

С. 2

**Открылся сайт Акции
национального покаяния
«Имеющие надежду»**

«В год 100-летия Русской Катастрофы история даёт всем уникальный и, может быть, последний шанс осознать зло, осквернившее нашу землю в XX веке, и поставить вопрос о покаянии», – отмечают организаторы акции

С. 4

**Сын, отказавшийся предать
отца**

В редакцию пришло письмо А.В. Чельцова, внука священномученика Михаила Чельцова. Благодаря помощи сотрудников радио «Град Петров» ему удалось разыскать документ, ставший основанием для ареста и осуждения на десять лет лагерей его дяди Семёна Михайловича

С. 7

Март 1917: «Приказ № 1»

Соглашаясь в том, что «документ», названный «Приказ № 1», явился одной из основных причин распада российской армии после февраля 1917 года, историки до сих пор противоречат друг другу в частностях. До конца непонятно, почему эта по сути не имеющая силы бумажка распространилась в действующей армии

Приложение «Язык Церкви»

Приложение в этот раз посвящено не только переводам православных текстов на разные языки, например на китайский, или с церковнославянского на русский, но и самой литургической молитве, являющейся языком нашего общения с Богом. Об этом – в репортаже с конференции о современной гимнографии и в докладе Кирилла Мозгова

Тема номера Покаяние и надежда

«Чтобы дать людям надежду, нужно, чтобы она была в нас самих»

Интервью с протоиереем Димитрием Карпенко, членом Межсоборного присутствия Русской православной церкви

Часто взгляд в прошлое оказывается достаточно травматичным для современного человека. Как нам говорить людям о нашем прошлом так, чтобы они видели его без сокрушения сердца, но в то же время правдиво, а не в иллюзиях? Как дать им надежду?

Я думаю, что здесь сокрушение сердечное в каком-то смысле неизбежно, и от этого никуда не уйдёшь. А чтобы дать людям надежду, нужно, наверное, чтобы она была в нас самих. И конечно, наше слово может быть убедительным и действенным только тогда, когда мы

будем говорить действительно от нашего опыта. Пускай этот опыт будет скромным, пускай мы не достигли каких-то высот. Но если мы действительно имеем устремление к тому, к чему нас призывает Господь, то, несомненно, на этом пути мы уже чего-то достигли. Где-то мы ошибались, где-то были неправы, где-то у нас что-то не получалось. Но на этом пути

методом проб и ошибок мы приобрели что-то очень важное – церковный опыт. И когда мы говорим от этого опыта, тогда наше слово людьми воспринимается живо, не казённо, а действительно таким, каким оно является на самом деле. И в этом, я думаю, единственный путь к тому, чтобы нам достичь взаимопонимания и протянуть какой-то мостик из прошлого в настоящее, а значит, действительно достичь примирения в самих себе и рядом с нами. Поэтому без опыта – богатого или менее богатого, без личного отношения, без переживания всего происходящего наше слово вряд ли будет убедительно.

В последнее время мы много говорим о том, что путь к примирению – это покаяние. Как Вам видится, в какой форме такое покаяние возможно? Нельзя же всех поставить строем и заставить каяться?

Да, покаяние – акт сугубо личный, и его невозможно вытребовать у человека. Каждый должен прийти к осознанию необходимости совершения покаяния. Несомненно, каждый человек в нём нуждается, нуждается в этом и наш народ, но требовать его или делать его каким-то показушным, наверное,

будет нелепо и не нужно. Это будет искусственно и не понято людьми.

Но был же опыт, когда люди вместе каялись. Например, в XVII веке, во времена смуты.

Возможно. Но я думаю, что путь к нашему общему покаянию лежит через наше индивидуальное осознание того, что мы совершали ошибки. Через исправление этих ошибок.

А потом мы сможем соединиться?

Если Бог даст. Но каждый, кто совершал неправду, должен это осознать. Ведь для кого необходима исповедь? Для того, кто осознал, что нуждается в покаянии. Если человек не почувствовал нужды в нём, ты ему не можешь это навязать.

И поэтому путь к покаянию всеобщему, народному лежит через покаяние отдельных личностей. Каждый должен прийти к этому осознанию. Если мы к этому пришли – слава Богу. Быть может, наше раскаяние в том, в чём мы были не правы, побудит и других людей совершить то же самое.

Беседовала Александра Колымагина

Как побороть зло, разливающее
свой яд по нашей земле

Интервью с епископом Глазовским и Игринским Виктором

Как решается проблема трезвости в вашем Александро-Невском братстве в Удмуртии?

Александро-Невское братство «Трезвение» (с 2010 года – приходское при Преображенском храме; с 2014 года – епархиальное) – это преемник дореволюционного Ижевского общества, корни которого из Санкт-Петербурга. Мне попадались об этом документы. Эту работу я начал ещё в г. Ижевске.

Мы проводим исторические изыскания в разных архивах, в том числе и архиве ФСБ. Готовим публикации для епархиальных СМИ, научные конференции, информируем верующих, готовим материалы для комиссии по канонизации.

Почему именно проблема трезвости вошла в круг Вашего попечения?

Это то наше большое зло, которое разливает свой яд, в том числе и в духовной среде.

Что Вы хотели бы сказать или пожелать читателям газеты «Кифа» и, в частности, нашему братству «Трезвение»?

Братство «Трезвение» делает большое и важное дело как в области трезвеннического просвещения, так и в личном плане для каждого члена братства.

Желаю непрерывного бодрствования, активной жизненной позиции, добродетели и верности Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу.

Беседовала Тамара Тябут

* В братство «Трезвение» входят прихожане разных храмов Москвы и других городов – члены Преображенского братства, ставящие своей задачей «просвещение народа Божия, в частности, через его освобождение от зависимостей: алкогольной, табачной, от психоактивных веществ и т. п.».

«Ты победил, дай победить
и нам!»

Письмо в редакцию

Дорогие братья и сёстры, уважаемые читатели газеты «Кифа»! В годовщину 100-летия трагических событий 1917 года интересно взглянуть на них глазами современника – шадринского протоиерея Николая Буткина (1882–1937), познакомить вас с его мыслями. Такая возможность появилась благодаря дошедшей до нас личной автобиографической рукописи о. Николая, в которой описаны события 1916–1919 годов.

Моё вхождение в церковь после крещения началось в 2009 году с изучения жизни двоюродного деда моего мужа, Николая Григорьевича Буткина, расстрелянного в Уфе по 58-й статье 28 ноября 1937 года. В семье о нём остались лишь краткие воспоминания в мемуарах его брата. Из радиопередачи на православном канале я узнала, что в начале XX века на Урале он был известен своими проповедями и миссионерской деятельностью. Действительно, в журнале «Екатеринбургские епархиальные ведомости» с 1909 по 1916 год я нашла много его публикаций. Всего за 3 года архивных и церковно-исторических исследований удалось составить довольно полное жизнеописание о. Николая, узнать подробности жизни и служения не только его, но и других членов этой семьи. Нашлось немало фотографий (в нашей семье их совсем не осталось). Удалось найти потомков его старшего брата – протоиерея Александра Буткина (судьба разметала семью от Украины до Владивостока). Отец Александр был сослан в 1929 году в Соловецкий концлагерь, а затем расстрелян в 1937 году.

Жизнь протоиерея Николая Буткина вызывала у меня особый интерес, по-

Протоиерей Николай Буткин. 1911 г.

скольку в памяти шадринцев он остался добрым пастырем, яркой личностью и «чудотворным батюшкой». Вначале мой интерес лежал в плоскости изучения биографических данных. Лишь по мере исследования появилось желание разобрататься и осмыслить опыт веры этого человека.

Окончание на с. 5

В Свято-Филаретовском институте состоялись XXIII Сретенские чтения

В конференции приняли участие представители 14 учебных заведений из 22 городов

Пленарное заседание началось докладом дьякона Петра Галанюка

25 февраля в Свято-Филаретовском институте состоялась XXIII ежегодная международная научная богословская конференция студентов, аспирантов и молодых специалистов «Сретенские чтения».

На пленарном заседании выступили преподаватель Смоленской православной духовной семинарии дьякон Пётр Галанюк, студент магистратуры Минской духовной академии священник Павел Лукин и студентка магистратуры СФИ Марина Наумова.

Дьякон Пётр проанализировал надгробные речи святителя Григория Богослова – родоначальника этого жанра в христианской традиции, уделив особое внимание надгробной речи, посвящённой святителю Василию Великому. Докладчик напомнил, что IV век – это время, когда христианская апологетика осуществлялась уже не столько в контексте философских споров с языческими учениями, противопоставлявшими себя церкви, сколько была направлена на борьбу с искажениями, которые приносили с собой в церковь массово крестившиеся новообращённые, не освободившиеся до конца от языческого опыта и привычек. Святитель Григорий не просто сумел наполнить языческий жанр надгробной

речи христианскими смыслами, но и создать принципиально новый формат такой речи, структурно напоминающий евхаристический канон и не лишённый учительных аспектов.

Доклад отца Павла Лукина был посвящён кризисным явлениям, которыми характеризовалась жизнь приходов Российской православной церкви на рубеже XIX–XX веков. К концу синодальной эпохи приход утратил практически все свои «нерелигиозные» функции. Единственное, что объединяло прихожан, – литургическая жизнь, но и она нередко сводилась к присутствию на богослужении и ежегодному причастию, которое осознавалось не как потребность веры, а как признак гражданской и церковной благонадёжности. Глубокий кризис, связанный с разделением церковного собрания на активный «посвящённый элемент» – клир и пассивных зрителей – мирян, стал одним из важнейших вопросов Поместного собора 1917–1918 годов и предсоборной дискуссии. Дальнейшее осмысление тема церковного собрания получила уже в трудах богословов русского зарубежья. В частности, протопресвитер Николай Афанасьев подчёркивал, что священнодействие, управление и учительство – это церковные служения, к

участию в которых призваны все верные члены церкви – и клирики, и миряне. Отвечая на вопрос о некотором разрыве между богословским наследием русского религиозного возрождения и постсоветской церковной практикой, отец Павел напомнил, что, несмотря на существующий разрыв традиции, в последние годы были приняты важные документы, приближающие церковную практику к канонической норме, такие как положение «Об участии верных в евхаристии».

Экклесиологическую проблематику продолжил доклад Марины Наумовой, посвящённый взглядам одного из участников предсоборной дискуссии начала XX века – Николая Петровича Аксакова. Одну из причин кризиса церковной жизни он видел в том, что церковь в поисках государственного покровительства впустила в себя начала, чуждые её природе, сдвинулась с канонических основ. Потеря внешней и внутренней свободы привела к тому, что голос церкви слился с голосом государства, утратив своё «обаятельное значение и силу». Во многих людях живая и действенная вера заменилась «безверной верой», а представление о церковной жизни редуцировалось до стремления к индивидуальному спасению. В этих недугах Аксаков видел и истоки безразличного, а подчас и враждебного отношения к церкви культурных слоёв общества и «дикорастущей» интеллигенции.

Одно из главных искажений в учении о церкви Аксаков связывал с тем, что её верные члены стали восприниматься как непосвящённые: настоящее поставление на служение стали видеть не в крещении, а в хиротонии. Это расслоение собрания привело к редукции и крайней индивидуализации служения обоих «сословий» – и клира, и мирян, разрушению самой ткани церковного собрания. Индивидуалистическому «сепаратизму во спасение» Аксаков противопоставлял новозаветное учение о единстве церковного собрания, в основе которого – царственное священство всех верных (1 Пет 2:9). Он указывал, что первое поставление на служение содержится уже в молитвах, читающихся

Награждение лучших докладчиков

над оглашаемыми, а высшую благодать, дар Святого Духа каждый христианин получает в крещении. В возрождении соборного начала, пронизывающего всю жизнь церкви, Аксаков видел единственный путь выхода из кризиса.

После пленарного заседания работа конференции продолжилась на пяти секционных заседаниях, где прозвучало 37 докладов по богословию и философии, миссиологии и катехетике, Священному писанию и литургике, церковной истории, религиоведению.

В конференции приняли участие 169 человек – представители Свято-Филаретовского института, Российского православного университета святого Иоанна Богослова, Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Минской духовной академии, Смоленской духовной семинарии, Кузбасской духовной семинарии, Высшей школы экономики, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Русской христианской гуманитарной академии, Казанского федерального университета, Финансового университета при правительстве РФ и других вузов.

Софья Андросенко
Фотограф: Александр Волков
Сайт Свято-Филаретовского института

Открылся сайт Акции национального покаяния «Имеющие надежду»

В Прощёное воскресенье открылся сайт Акции национального покаяния «Имеющие надежду». «В год 100-летия Русской Катастрофы история даёт всем уникальный и, может быть, последний шанс осознать зло, осквернившее нашу землю в XX веке, и поставить вопрос о покаянии за многомиллионные жертвы, братоубийственную рознь, культ насилия, господство страха и другие грехи и преступления, совершённые нашим народом», – отмечают организаторы акции.

На сайте размещён текст обращения, которое могут подписать все, присоеди-

нившиеся к акции, – люди «всех возрастов, национальностей, вероисповеданий, традиций, культур и политических взглядов». Организаторы отмечают, что «только искреннее, сердечное, совестливое покаяние за себя и за тех, с кем мы связаны узами единой исторической судьбы, может стать основой для истинного примирения народа нашей страны с самим собою и своей историей».

Участие в акции может быть в любой форме: написать и опубликовать на сайте акции в свободной форме историю своей семьи (семьи близких, друзей), по которой так или иначе прокатилось

Имеющие надежду

акция
национального
покаяния

«красное колесо»; помолиться за Россию, русский народ и все народы, населяющие её (тексты некоторых покаянных молитв можно найти на сайте акции); написать и опубликовать размышление о том, что произошло с нашей страной в XX веке, о последствиях национальной катастрофы.

Обращение уже подписали художник, писатель, бывший узник ГУЛАГа

Алексей Арцыбушев, кинорежиссёр Андрей Смирнов, публицист Ксения Кривошеина, писатель, бывший узник ГУЛАГа Никита Кривошеин, поэт Ольга Седакова, кинодокументалист Дарья Виолина, священник Георгий Кочетков и другие.

Благовест-инфо

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 29 марта 2017 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 31 марта 2017 г.

gazetakifa.ru

Понять и преодолеть

О последствиях «массового помешательства страны» 1917 года размышляли участники и слушатели необычного концерта

15 марта 2017 года, в день столетия отречения императора Николая II от престола, в Москве в концертном зале ЗИЛ прошёл необычный концерт-размышление. Темой вечера стали события февраля 1917 года и их последствия для жизни современной России.

«Нам часто хочется найти в прошлом «точку невозврата», чтобы понять, когда мы окончательно сбились с пути и куда мы должны попробовать вернуться», – сказала ведущая вечера, фило-

лог и историк Юлия Балакшина. После февральских событий 1917 года облик России изменился до неузнаваемости. Как, какими средствами можно передать дух эпохи? Чтобы осмыслить произошедшее со страной и народом век назад, организаторы концерта предложили обратиться к свидетельствам художников, композиторов, писателей, которые донесли до нас правду о событиях 1917 года.

Роман-хроника Александра Солженицына «Красное колесо» и мемуары Фёдора Степуна, повести Елизаветы Кузьминой-Караваевой и «Доктор Живаго» Пастернака – фрагменты разных по жанру произведений, звучавшие со сцены, создавали у зрителей объёмную картину происходившего в стране столет назад. Её дополняли стихи Марины Цветаевой, Александра Пушкина, произведения Скрябина, Рахманинова, Шостаковича, кинохроника, картины и фото архивных документов.

В концерте приняли участие актриса театра имени Маяковского Зоя Кайдановская, народные артисты России Авангард Леонтьев и Владимир Юматов, заслуженный артист России Алексей Шевченков, актёр и режиссёр Игорь Ветров, музыканты Государственного струнного квартета имени Глинки, пианист Алексей Набиулин.

Вечер закончился общей покаянной молитвой

Концерт прошёл в рамках Акции национального покаяния – инициативы Преображенского братства, возникшей в связи со столетием революционных событий в России.

Концерт-размышление завершил священник Георгий Кочетков, и весь зал

встал, присоединяясь к его покаянной молитве.

Материал подготовили Софья Рудакова, Софья Андросенко, Арина Филиппова
Фотограф: Александр Волков
Сайт Преображенского братства

«Кифа» попросила гостей вечера ответить на вопросы, связанные с одной из его центральных тем – покаянием

Иногда приходится слышать, что сама по себе идея покаяния неплоха, но она исходит из среды «наследников проигравших», в первую очередь из среды русской эмиграции. А в стране подавляющее большинство – это «наследники красных» или потомки тех, кто как-то сжился с режимом. И «наследники победителей», конечно, не захотят каяться. Как Вам кажется, это замечание справедливо?

Андрей Грищенко, координатор московского отделения МПИКЦ «Белое дело»: Во-первых, я не готов согласиться с утверждением, что белая сторона – безусловно проигравшая.

Итоги Гражданской войны нельзя оценивать только в категориях потери территорий. Это ведь ещё и борьба идей и идеологий. Официально Белая Армия никогда не капитулировала перед большевиками, она предпочла оказаться в изгнании, но сохранить свои боевые знамена и боевые полки, и самое главное – те ценности и идеалы (достоинства, свободы и любви к России), за которые они сражались и умирали.

Россия продолжилась в эмиграции и жила в культуре, в богословии, в тех традициях, которые русские эмигранты на чужбине свято хранили.

Сейчас это наследие русской эмиграции постепенно возвращается в Российскую Федерацию, пусть и не в том объёме, в котором нам хотелось бы, но всё же те, кто хочет прикоснуться к «зарубежной» России, могут это сделать.

Что касается покаяния за события столетней давности, то сама эта идея для нерелигиозного, светского сознания (коим является сейчас российское общество) непонятна. Потому что если человек лично не совершал каких-то грехов и преступлений, то он не понимает, как можно каяться за своих предков, которых он и по именам часто не знает.

Покаяние – это всегда боль и слёзы, а постсоветское общество каяться не умеет и не хочет. Нам говорили, что советский человек должен гордиться успехами и достижениями страны, а признание ошибок приравнивалось чуть ли не к предательству или слабости. Советскому человеку не в чем каяться! И на этом, к сожалению, воспитаны целые поколения людей.

Однако в религиозном сознании покаяние за грехи прошлых поколений, безусловно, возможно – как возможно, например, православная молитва за усопших к Богу. «Который не Бог мёртвых, но Бог живых».

Эта связь между нами и нашими предками, прадедушками и прабабушками на самом деле более живая, чем кажется. И передаётся она от поколения к поколению в виде семейных ценностей, положительного

опыта или, наоборот, семейных травм.

И это покаяние может начаться с осмысления последствий революции 1917 года, которые мы ощущаем до сих пор.

И здесь мы можем видеть, что проиграл в первую очередь весь русский народ, а не одни только «белые» или «красные».

Да, русский народ проиграл: во-первых, физически, просто потеряв за XX век десятки миллионов человеческих жизней.

Во-вторых, конечно, проиграл духовно вследствие потери своей национальной идентичности, слома традиционного уклада и потери христианских основ своей жизни.

Эксперимент по созданию советского человека стал одним из самых тяжёлых по своим последствиям. И выходить из этой ситуации нужно не только на личном уровне, но и на системном.

Я согласен здесь с заявлением Синода Русской Зарубежной церкви, что в результате осмысления плодов революции должны быть приняты и конкретные правовые решения.

Например, должно быть принято решение об освобождении топонимике России от большевистских названий*, и, конечно, самое главное – это признание русского народа наиболее пострадавшим за XX век от большевистского геноцида.

Но готово ли наше общество к такому осмыслению? На данный момент очевидно, что нет, хотя дискуссии на эту тему идут и это даёт некоторую надежду.

Вы сказали, что в эмиграции удалось сохранить какие-то корни дореволюционной России. Даже язык ещё тот остался, я с этим сталкивалась. И я думаю, что какими-то искорками и в нас что-то сохраняется. Может быть, людям возможно говорить о покаянии как о возвращении? Не только о возвращении к Отцу, но и о возвращении к каким-то корням, которые оказались утраченными, может быть, ещё до 1917 года?

Безусловно, нам нужно понять и проанализировать, почему народ-богоносец, который был хранителем святынь, вдруг в какой-то момент стал разрушителем своего духовного уклада.

Что стало с той Россией?

Но всё лучшее мы должны, конечно, взять и попытаться протянуть ниточку к той России, которая скрылась от нас как Китеж-град, ушедший под воду.

Нам нужно успеть ухватить тот дух, воспринять и актуализировать русское наследие эмиграции. И конечно, необходимо не просто воспроизводить внешнюю форму, но творчески продолжить тот путь, с которого Россия так трагически свернула в 1917 году и дальше продолжилась уже в изгнании.

* Здесь хотелось бы вспомнить и заявление Святейшего патриарха Кирилла о том, что наши улицы не должны носить имена убийц. – Ред.

Звучит ли у вас в городе, среди прихожан вашего храма мысль о необходимости сделать год столетия событий 1917 года годом покаяния?

Священник Игорь Кузьмин:

На проповеди я этого не слышал, а сам об этом говорил, когда тема чтения была подходящей. В начале Великого поста я говорил о трагических событиях, столетие которых мы вспоминаем и которые действительно перевернули всю жизнь страны, о том, что последствия этих событий никуда не ушли, мы сегодня их пожинаем. Но вообще эта тема не очень-то популярна.

Да, часто приходится слышать аргументы против. Например, мысль о покаянии противоставляют мысли о примирении. Как Вам кажется, почему? Это ведь нелогично – как раз покаяние и ведёт к примирению.

Да, это так, поэтому особенно странно слышать такие возражения в церкви. Прямо сказать, одно без другого не существует. Примирение с Богом требует от человека покаяния, то же касается и отношений между людьми. Хотя, действительно, почему-то именно мотив примирения в связи со столетием 1917 года становится доминирующим и покаяние им заглушается. Или иногда говорят, что покаяние уже произошло...

Может быть, люди неправильно понимают смысл покаяния? Солженицын предостерегал нас от двух опасностей: первая – закрыться и не допустить в своё сердце раскаяние, а вторая – слишком увлечённо начать поддаваться тем, кто покаянием считает некое самобичевание. На каких путях можно избежать той и другой опасности?

Есть и срединный путь. Самобичевание – это гордая позиция, хотя внешне она выглядит и не так. Настоящее покаяние от него отличается существенно. В принципе отличается. Путь покаяния неизбежно приводит к примирению, к миру. Покаяние не есть что-то окрашенное в тёмные тона. Гораздо больше оно окрашено в тона светлые, несмотря на то, что совершается непременно (если это покаяние подлинное) со слезами. Христианское покаяние всегда растворено надеждой на милость Божью, на Божье всепрощение, всегда окрашено тонами Пасхальной радости. Сегодняшний концерт-размышление, мне кажется, тоже был окрашен в эти тона.

Беседовала Александра Колымагина

Бог жив, Он среди нас

Интервью с иеромонахом Кронидом (Печевистым) (Гомельская епархия)

Что, на Ваш взгляд, можно прежде всего сказать об уроках минувшего столетия?

Мне кажется, самый главный урок, который мы должны извлечь из этих десятилетий, – это то, что Бог, возможно, последний раз

обращается к роду человеческому. Мы помним массовое явление мучеников в первые века. Были жесточайшие гонения, когда люди свидетельствовали тем, что умирали за Правду, которая есть Христос, умирали за Истину. И вот мы увидели то же самое свидетельство среди наших современников. А ведь были не только мученики, были исповедники, которые дожили даже до 1980-х годов. В частности, наша гомельская исповедница Манефа, которая не могла ходить, болела, претерпевала всяческие гонения за веру, но, тем не менее, явила дивный подвиг преподобнического жития. Нам сегодня прихожане иногда говорят, что не могут поститься, не могут молиться, потому что «время не то». На что я отвечаю: «Вот, посмотрите, человек жил в наше время». Я не помню, у кого прочёл такую удивительную фразу: «Эти люди стояли с нами в очередях за хлебом, эти люди помогали оборонять города, эти люди трудились на заводах». Вспомните хотя бы Иулианию (Соколову). Человек возродил традицию древнерусской иконописи. Это подвиг беспримерный. 600 лет не было фактически древнерусской иконописи! После Рублёва традиция пошла на спад и закончилась к XX веку. Но именно в начале XX века началось открытие древнерусской иконописи. Реставраторы восстанавливали иконы, которых не видели ни Пушкин, ни Толстой, ни Достоевский. И здесь, на мой взгляд, произошло второе открытие: что Бог жив! Помните, в Ветхом Завете, когда Бог говорил через пророков, люди отвечали, говоря: «Жив Господь!» (Иер 5:2). Более того, Он среди нас. И есть рабы Его сокровенные. Господь когда-то сказал пророку Илье в ответ на его вопль – «сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять её», – что ещё несколько тысяч Его рабов не преклонили колени перед Ваалом.

Жив Господь, Бог среди нас, Бог с нами, и в это же самое время, когда мы откровенно ленимся, не хотим молиться, не хотим поститься, оправдываемся болезнями или ещё чем-то, Он являет нам тех людей, которые в этих же условиях живут так, как жили 2000 лет назад. Подвизаются так же, спасаются, молятся, затем принимают мученический венец. Вспомним пример замечательного священномученика Фаддея, архиепископа Тверского. Я его очень почитаю. Он совершенно поразительный человек, удивительный подвижник благочестия, постник, молитвенник, которого даже святитель патриарх Тихон называл святым ещё при жизни. Удивительный человек! И если бы не венчался он как мученик, хотя это высший венец для любого святого, его бы Церковь прославила как преподобного святителя. Посмотрим на другого святого, хотя и не исповедника, Иоанна Шанхайского. Когда в 1950–1960-е годы были студенческие восстания в Париже, возрождение коммунистической идеологии, интерес к большевикам, на этой волне нигилизма студенты католической семинарии начали говорить: «Что вы нам рассказываете о святых? Этого не может быть!» И один из профессоров, который у них преподавал, сказал им: «Среди нас живёт Жан Босой – православный архиерей, который ходит босиком, соблюдает заповеди Господа нашего и живёт, как жили в апостольский век». Люди, жившие на Западе в то время, тоже в безбожном мире, слышали этот отзвук любви Божией в своём сердце, откликнулись на него...

Помните, владыка Антоний Сурожский сказал, что если бы люди, идущие по улице нам навстречу, видели на нашем лице отпечаток вечной жизни, они бы приняли православие. В том, что мир до сих пор не христианский, виноваты и мы. И поэтому именно новомученики – те маяки, без которых Церковь не может, наверное, до конца возродиться, побороть в себе какие-то негативные явления, которые мы унаследовали от периода гонений, о чём говорил Святейший патриарх. Без них мы не сможем спастись. Потому что они – ближайшие к нам по времени святые. И в отличие от, может быть, немножко сглаженной, лакированной житийной литературы XVII–XIX веков мы видим их реальную жизнь – жёсткую, болезненную, трагическую, травматическую, но вместе с тем ту жизнь, которая может нас зажечь.

«Четыре поколения мы теряли православие...»

Интервью с протоиереем Владимиром Богославским, руководителем отдела по взаимодействию Церкви и общества Петропавловско-Камчатской епархии

На открытии Рождественских чтений патриархом не раз вспоминался Солженицын, в том числе его слова, что ложь и

насилие связаны между собой. Как нам выявлять правду, прежде всего духовную правду о произошедшем? Как понять, что произошло с нами?

Самое тяжёлое и большое разрушение – это безбожие людей. И люди до сих пор не вернулись к Богу. Внешнее возвращение произошло, и то частичное. Храмы, да, могут быть полными. Но насколько воцерковление происходит в душах, в сердцах людей? Оно очень слабое. Для этого нужны поколения, нужно время. Старец о. Николай Гурьянов на вопрос «Почему нет святых?» отвечал: «Четыре поколения мы теряли православие, сейчас три-четыре поколения будем возвращать». По-другому никак

нельзя. Для этого нужно время. Рушить легче, созидать сложнее.

В чём может быть на этом пути наша надежда?

В вере нашей, в христианстве. Если народ начнёт духовно возрождаться, всё начнёт духовно возрождаться. И материальная база начнёт возрождаться, и государство. Возьмите любую политическую деятельность: если она не стоит на духовной основе, то она строится на каких-то корыстных целях. Но если строить всё на основании духовном, то тогда всё будет налаживаться. Для этого, естественно, нужно, чтобы в духовенстве, священстве, в епископстве, да и в администрации были духовные люди. В любом высоком месте должен стоять духовный человек.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная
Фотограф Мария Кайкова

Сын, отказавшийся предать отца

Недавно сотрудниками радио «Град Петров» Мариной Лобановой и Екатериной Степановой был найден удивительный документ, который я пересылаю вам. Это заявление сына, отказывающегося предать отца. Я включил его в перечень добавлений к третьему изданию книги, но когда выйдут в свет эти добавления, неизвестно. Думаю, сейчас можно опубликовать его в вашей газете.

*Примите уверения в совершенном почитании и преданности.
Ваш А. Чельцов¹*

В 1933 году Сёмен Михайлович Чельцов был исключён из числа студентов Института гражданских инженеров, так как руководству института стало известно, что он сын священника. В стране безработица. Пришлось жить на случайные заработки разнорабочего. Тяга к знаниям привела его в Лесотехническую академию, на первый курс которой он поступил в 1936 году.

Был членом профсоюза ещё с тех пор, как стал рабочим. В 1937-м начался обмен профбилетов с одновременной «чисткой» профсоюза от лиц, скрывавших своё социальное происхождение. От Семёна потребовали письменного объяснения, которое стало основанием для его ареста и осуждения на десять лет лагерей. Через четыре года Семён погиб. Почти через восемьдесят лет после этого мне, его племяннику, удалось с помощью радио «Град Петров» разыскать текст документа. Привожу его в полном объёме. Автору письма – двадцать пять лет.

«Тов. Грачеву²

Тов Грачев. При обмене союзных билетов я сознательно не хотел менять его. Причина. Я скрывал до этого времени и продолжаю скрывать и сейчас среди товарищей свое социальное происхождение.

Я сын служителя православного культа (священника или, как Вы называете, “сын попа”).

Мне больно, если отец, которого я глубоко уважал и любил (которым я, по совести сказать, гордился как человеком замечательно умным и тактичным), будет неизбежно подвергаться оскорблениям на собрании, где я сказал бы о своем происхождении.

Отец священник, и с 28 года я начинаю это скрывать. Это естественно: больно видеть, как оскорбляют любимого человека.

В 28 году, когда мы шли с отцом, девчонки-комсомолки вертелись вокруг своей вертикальной оси и чуть не плевали на нас (точнее они плевали нам под

ноги). Каждая, с позволения сказать, сволочь считала своим долгом нанести материальное или моральное оскорбление.

Отец, уважаемый в свое время такими людьми, как В.А. Косяков; за которого хлопотал Луначарский, когда во времена красного террора были арестованы профессорский персонал и служащие Института гражданских инженеров; который был уважаем как человек и “умница” среди массы ученых: академиками Ухтомским и Павловым, проф. стр. матер. Эвальдом³ и т. д. – этот отец (хороший семьянин и общественный в свое время деятель) подвергается оскорблениям.

В 30–31 г. 7/1 отец трагически умирает. Обстановка его смерти неясная. Ясно одно: он умер как герой с песней рождественского тропаря, когда его вели на расстрел. Я, моя мать и все, кто его знал, глубоко убеждены в его “невинности”. Такой лояльный и передовой человек, как он, никогда не мог быть контрреволюционером.

Когда, после первых приступов страшного горя, стали доискиваться причин его смерти, стали создавать множество гипотез:

1. Человек, как видный, он естественно, должен был пострадать при борьбе

Отец Михаил Чельцов (стоит во втором ряду) в кругу семьи. Фотография 1912 г. из архива А. Чельцова

большевиков с религией (только сейчас на стран. “Правды” пишут о том, что “попов” надо оставить в покое и религия сама потухнет, что нечего делать из попа “мученика”).

2. Смутно ходил слух, что якобы он был у какой-то бывшей графини; она сбежала за границу, опубликовала там, что имела беседу с таким видным священником, как М.П. Чельцов. Эта версия имеет под собой почву в том отношении, что когда в России в 1918 или 19 году был голод, мы получали в числе других сотрудников Академии Наук посылки АРА. Я сам ездил за этими, правда, не частыми, посылками сгущенного молока и какао. Помнится, даже Папа Римский (глава католической церкви) как-то прислал поздравительную открытку отцу. Отец был известен как знаток и противосектантский миссионер, а также организатор малых собраний ещё по дому при Институте гражданских инженеров по поводу унии церквей.

Знали всю эту обстановку в НКВД и неоднократно интересовались, как я отношусь к Советской Власти. В период высылки за пределы Ленинграда “подозрительной” публики там достаточно удолетворялись моими ответами, что питать враждебных чувств к СССР и правительству, партии не могу, но и восторженно орать, как другие, по поводу успешной политики не могу (сочувствующий, мол), ибо “притесняют нашего брата”.

Мне возвратили паспорт и приглашали самому заходить на собеседование.

В военном комиссариате я тоже начисто сказал: “Буду честно выполнять свой долг, а насчет героизма в военной обстановке видно будет в деле”.

Директору Мельникову о скрытии социального происхождения подавал письменный рапорт, ещё до постановления о “лишенцах” и Сталинской Конституции.

Ничего я так не боюсь, как издевательства и насмешки. Репрессии вроде расстрела или ссылки мне не страшны. Боюсь насмешек и издевательств большой массы собранной коллективом.

Люблю эту массу в труде, который уважаю, ибо несколько лет был сам и чернорабочим, и каталем, и бетонщиком, и лебедчиком и привык уважать труд.

Остаюсь с заявлением своих верно-подданных чувств и с просьбой не исключать из союза, а оформить новую союзную книжку, внести в нее выговор.

С. Чельцов. 5 июля 37 г.».

¹ Анатолий Васильевич Чельцов – внук священномученика Михаила Чельцова. В письме речь идёт о его книге «Мы вправе знать».

² Парторг факультета механики ЛТА им. С.М. Кирова. – Прим. А. Чельцова.

³ В.В. Эвальд (1860–1935) – основоположник научного строительного материаловедения.

«Ты победил, дай победить и нам!»

Письмо в редакцию

Начало на с. 1

Эта возможность представилась неожиданным образом. В одном из уральских архивных фондов нашли рукописи о. Николая – 10 объёмных тетрадей с текстами исторического и богословского содержания. Огромный интерес вызвала подробно описанная история о создании о. Николаем Симеоновского братства в г. Шадринске.

Этот материал дал серьёзную пищу для размышления. К изучению подключились братья и сёстры. Начались совместные поездки в Шадринск, выступления с докладами не только историко-биографического содержания – о духовном сопротивлении, о создании братства, о воспитании детей. На основе большого наследия о. Николая Е.Г. Парфёновой была защищена итоговая выпускная работа в Свято-Филаретовском институте на тему: «Церковное обновление в духовном наследии и пастырской деятельности прот. Николая Буткина». Благодаря работе И.В. Роговой по расшифровке сканированных рукописей в журнале Екатеринбургской духовной семинарии «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии» в 2015, 2016, 2017 годах изданы три части автобиографического романа о. Николая «Виноградари».

Создание братства

Имея блестящие способности, Николай Буткин с отличием оканчивает Челябинское духовное училище, Уфимскую семинарию, затем Казанскую духовную академию. После её окончания он служит в Екатеринбурге. 1909–1916 годы – это период активной епархиальной деятельности о. Николая на ниве просвещения, миссии, благотворения и милосердия. Но, несмотря на внешнюю успешность этих дел, окружающая церковная действительность приводит его к убеждению в «бессилии наличной церковности»: «православие отмирало как бы вместе с царской государственностью»¹. В одной из своих рукописей² он пишет, что «леял мечту не о собирании распавшегося общества или оживлении государства... вера звала к разрыву с миром и к организованности верующих на основе любви ради спасения. Только в этом повороте от культа к жизни по стопам Христа, да не в одиночку, а вместе, в братском союзе, видел... возрождение истинного христианства».

Клир и братская молодежь в Спасо-Преображенском соборе на Пасху 1924 года

Поэтому с августа 1916 года, став настоятелем Спасо-Преображенского собора в г. Шадринске, прот. Николай чтением публичных лекций «Религия и жизнь», «Церковь и дети» собирает в храм людей, неравнодушных к делу Божьему. Фактически с этого времени при соборе начинает складываться братская жизнь – заботой о привлечении детей в церковь, возделыванием братского огорода, чтобы затем распределять урожай между беднотой, занятиями по Закону Божьему, благоустройством собора, богослужением... «Храм почти ежедневно наполнялся верующими для молитвы и слушания бесед. Отец Григорий³ вёл теперь беседы по три дня в седмицу по вечерам на акафистах. Два вечера в неделю уступал для занятий по Закону Божию с молодёжью»⁴.

Отцом Николаем и его единомышленниками вырабатывался проект братского Устава, где на первый план выдвигались

три руководящие идеи: «труд на братию как жертва любви и служения общему делу»; благотворительность, главным мотивом к которой выставлялось «не ожидание награды и личное спасение, а мысль о завещанной Христом борьбе со страданиями ради наступления Царства Божия»; молитва, мысль о которой хорошо выражена «старцем Серафимом Саровским, что “Господи, помилуй”, сказанное в общении с братией, стоит целого правила наедине у себя в келье»⁵.

В день памяти св. Симеона Верхотурского 18(31) декабря 1918 года состоялось официальное открытие братства. Местная пресса сообщала: «Братство ставит своей задачей объединение верующих около церкви и поднятие веры в людях до степени сознательной, действенной»⁶.

В дальнейшем опыт братской церковной жизни был распространён в Шадринском уезде. А созданный «Шадринский Кружок объединенного духовенства», как свидетельствуют документы сентября 1921 года, вместе с его председателем прот. Николаем Буткиным активно занимается организацией церковной жизни на приходах в современных условиях, которую видит «в религиозном просвещении народа, регулярном благочестии слова Божия, особенно разъясняя народу задачи церкви, значение веры православной и благорелигиозной, благочестивой жизни, привлекая к благочестивым способным для этого лиц, как из мирян, так и из клира»⁷.

Судя по документам 1920-х годов, братство жило крепкой церковной жизнью и распространяло её вокруг себя. Всего по списку на 4 января 1924 года в нём числилось 234 человека.

Постановлением Окружного Административного Отдела от 22.02.1926 г. братство было закрыто в связи с запретом осуществлять религиозную деятельность, в том числе благотворительную, в советском государстве согласно декрету «Об отделении церкви от государства»⁸. А о. Николая выслали в Уфу.

Отношение о. Николая к революционным событиям 1917 года

В отличие от многих пастырей, захваченных революционными событиями, переживавших в те дни состояние эйфории от свободы, провозглашённой Временным правительством, прот. Николай сохранял трезвенность и верность евангельским идеалам жизни: «...здесь пробивается наружу не святое, а земное и насквозь житейское... Революция стихийно вызывает к обнаружению человеческие страсти и вожделения. Нам предстоит поэтому видеть и пережить многое»⁹.

С марта по май 1917 года происходит целая череда собраний: шадринского городского духовенства; исполнительного комитета по подготовке материалов для уездного пастырского съезда (24–25 апреля) и последующий уездный пастырский съезд (12 мая); затем Первый свободный епархиальный съезд духовенства и мирян в г. Екатеринбург (16–25 мая). Во всех этих событиях прот. Николай Буткин проявил себя как равнодушный человек, пастырь и гражданин, иногда оставаясь в полном одиночестве, наперекор общепринятой точке зрения. Показательной стала позиция о. Николая, выраженная им в Открытом письме к духовенству по поводу решений, принятых Первым свободным съездом духовенства и мирян в Екатеринбурге¹⁰, где он громко заявляет о своём недовольстве к съезду: «Религиозное чувство, пастырское сознание оказалось подавленным чисто мирским, стихийным чувством свободы». Он упрекнул съезд в употреблении «избитых фраз о благе свободы» и в «фактической канонизации революции»¹¹.

В 1917 году по Шадринску разлетается листовка о. Николая «Простые советы». В ней сказано: «...когда человек отдаётся миру, увлекается сходками, спорами, Христос уходит из его сердца, потому что такой человек делается светлым, раздражительным, жадным до своих выгод»¹². Отец Николай ведёт

религиозную полемику в прессе, распространяет листовки и брошюры. В своём воззвании ко дню празднования св. Симеона Верхотурского в сентябре 1917 года он зовёт людей на праздник и объясняет: «Надо помнить, что на незаметных подделках под Евангелие строится царство Антихриста»¹³.

Размышления о духовных причинах революции и покаянии

Необходимость осознания грехов (прежде всего церковными людьми) и деятельное покаяние – это главный призыв, с которым о. Николай обращается к своим современникам и до революции, и в первые послереволюционные годы. Герой его автобиографического романа ещё до 1917 года говорит: «Ведь мы, церковники, мертвы для общества. ...Я спрашиваю: кому и для чего нужно наше обрядовое бюро? ...Сохрани Бог, придёт революция, нас, церковников, сметут со старым строем. Я не хочу погибнуть бесславно. Пока есть время, сделаю всё, чтобы люди увидели немощь веры своей». «Человек всегда выглядит наглядной скрижалёю своей веры и то, чего не хватает в ней, не будет видно и в нём. Современным людям не хватает многого. Недаром мечтают и пишут о новом Человеке. ...Где, в чём кроется причина человеческой расслабленности? ...Плох стал человек, потому что вера наша убога, отошла от истины... Я знаю, критиков наличной церковности теперь много, но все они привносят в дело только горечь и обиду. Мы, напротив, желаем, чтобы горечь представления об убожестве нашей наличной религиозности покрывалась твёрдой верой в полноту церковной благодати и любовью к Церкви. Своих грешников она не отменяет, а возрождает. Ищите же этого возрождения в братском служении любви Христовой»¹⁴.

Особое значение имела лекция «Жизненная драма духовенства», прочитанная о. Николаем 11 сентября 1918 года на Вечере скорби, посвящённом памяти священнослужителей, погибших при советской власти. Сбор от вечера предназначался в пользу сирот погибших жертв. По приглашению Камышловского духовенства эта лекция была прочитана прот. Николаем в виде доклада на собрании благочиннического округа в Каменском заводе. «В то время у меня под руками оказались сочинения Гусева-Оренбургского и я остановился на изображении им жизненной драмы духовенства. Тема казалась мне подходящей к Вечеру скорби, а материал, к тому же, так и резал сердце правдивостью... Братия слушали о своих горестях, как конистория давила всякую самодеятельность, глушила пастырский почин... Нелегко и не без труда доставалась борьба с порывами и требованиями долга. Иные спивались, иные теряли даже веру, большинство шло по пути увлечения хозяйством. Находили ли эти последние мир в душе? Увы, над ними сгушалась драма, самая тяжёлая. Они несли на себе презрение общества. Даже дети собственные отворачивались от отцов и уходили в мир, проклиная жизнь духовенства. – Иначе и быть не могло... Потому что нельзя безнаказанно изменять призванию и долгу»¹⁵.

Затронутая тема стала предметом горячей дискуссии, которая продолжилась в переписке с о. Тихоном Андриевским¹⁶, «духовным» последователем революционных идей, верившим в социальные преобразования и собиравшимся организовать приход из христиан-социалистов. Poleмика отражает взгляды прот. Николая Буткина на проблему отношения христианства к социализму и политике. В качестве обоснования того аргумента, что социалистическое счастье – это соблазн, он приводит доводы Достоевского, называя социализм – духом Великого инквизитора. «Его обетование – это счастье последних дней человечества, его тактика – это полное повиновение и доверие к вождям, которые одни знают ТАЙНУ». Отец Николай отвечает священнику-социалисту: «Вслед за Вами скажу и я: “Нельзя мириться с народной обречённостью на нищету, грязь и дикое

невежество”. Увы! Язвы жизни идут летить чужие для нас люди, и не во имя Христа». Здесь же звучит его наставление пастырям: «Задача духовенства в том, чтобы, организуя верных, как должно, на деле доказать, как мирно и радостно может идти жизнь под покровом Церкви. ...Будем учить жить не в одиночку, а братством»¹⁷.

Заключение

В рукописях о. Николая раскрывается незаурядность его личности и глубина духовной интуиции. Как точно и ясно он оценивал события! В нём сочетались решительность и честность в борьбе с наличной греховной действительностью, смелость, с которой он высказывался публично в прессе, с амвона и других общественных трибун, и одновременно милосердное, сострадательное отношение к человеку как брату. В полемике и письмах выявляется его пророческий дар, а талант пастыря он воплощает в собирании людей, желающих послужить Богу и ближним.

Пока расшифрована лишь малая часть сканированных страниц богословского наследия о. Николая (толкование на Апокалипсис и беседы на Евангелие от Иоанна), написанные им в последние годы жизни. Читая, каждый раз переживаешь глубокое чувство приобщения к его исповедническому пути. В 1930-е годы, незадолго до мученической кончины, о. Николаю 50 с небольшим лет, но физически он тяжело болен – почти оглох, страдает невралгией руки и заболеванием сердца. Однако не это определяет его жизнь. Говоря о скорбях людей и нравственных страданиях верующего сердца, он молится и благодарит: «“Вы восплачете и възрыдаете, но печаль ваша в радость будет”. Верую, Господи! И за веру нашу сподоби, Господи, всех скорбящих приобщиться к последней Великой радости. Ты победил, дай победить и нам, да увидим Лицо Твоё Пресвятое и соединимся с Тобой навеки»¹⁸. «Ни горя, ни драмы не желал бы я видеть в смерти своей. Пусть, как уходящее за грань земли солнце, она несёт мир и благословение жизни. Да здравствует жизнь, как великий дар Божий!»¹⁹

Светлана Буткина

¹ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из архивных документов и рукописных текстов прот. Николая Буткина (Вестник ЕДС. 2014. Вып. 2(8). С. 314).

² Буткин Н., прот. Виноградари: Роман. Ч. I. Сеятель /Вступ. ст., публ. и прим. С.Г. Буткиной // Вестник ЕДС. 2014. Вып. 2 (8). С. 312–375.

³ Псевдоним прот. Николая в автобиографической рукописи. Описывая события жизни священника Григория Загуменных, отец Николай говорит о себе.

⁴ Буткин Н., прот. Виноградари: Роман. Ч. II. Обреченные. // Вестник ЕДС. 2017. Вып. 1(17) С. 276.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Народная газета. 1919. № 4. 5 янв.

⁷ Архив Московской Патриархии. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–30. Журнал уездного церковного собрания клира и мирян церквей г. Шадринска и Шадринского уезда, бывшего 22/23 сентября 1921 года.

⁸ Государственный архив Шадринска. Ф. 209. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 75. Постановление Окружного Административного Отдела от 22.02.1926 г. о закрытии Симеоновского братства.

⁹ Буткин Н., прот. Виноградари: Роман. Ч. I. Сеятель /Вступ. ст., публ. и прим. С.Г. Буткиной // Вестник ЕДС. 2014. Вып. 2 (8). С. 360.

¹⁰ Съезд открылся 16 мая 1917 г. На нём присутствовало 150 священнослужителей и 200 мирян. См.: Лавринов В., прот. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: УрГУ, 2001. С. 26.

¹¹ Буткин Н., прот. Открытое письмо к духовенству съезда // Зауральский край. 1917. № 129. 14 июня.

¹² Русакова Ю.Е., Сычева Е.Н. Жизнь и смерть отца Николая. // Исеть. 2012. 22 мая. С. 5.

¹³ Буткин Н., прот. Копия воззвания 1917 г. Личный архив С.Г. Буткиной. С. 9.

¹⁴ Буткин Н., прот. Виноградари: Роман. Ч. I. Сеятель /Вступ. ст., публ. и прим. С.Г. Буткиной // Вестник ЕДС. 2014. Вып. 2 (8). С. 330, 331, 332.

¹⁵ Буткин Н., прот. Виноградари: Роман. Ч. II. Обреченные. // Вестник ЕДС. 2017. Вып. 1(17) С. 305.

¹⁶ В романе он выведен под именем о. Стефана Тихановского.

¹⁷ Буткин Н., прот. Виноградари: Роман. Ч. II. Обреченные. // Вестник ЕДС. 2017. Вып. 1(17) С. 325, 326, 328.

¹⁸ Его же. Беседы на Евангелие от Иоанна. Рукопись, ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132. Тетрадь VII. Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой. Л. 16, 16 об.

¹⁹ Его же. Письма о вере. Рукопись. Там же. Тетрадь VI. Письмо I. Следственное дело Зинаиды Александровны Ивановой. Л. 1 об, 2.

На уроках истории

В дни столетия февральского переворота в Международном информационном агентстве «Россия сегодня» прошло несколько встреч, посвященных этой дате. «Кифа» участвовала в двух из них. По следам этих встреч мы публикуем те их фрагменты, которые посвящены проблеме национального покаяния. Нам кажется важным видеть, насколько разные мнения, разные подходы возникают в ходе этого разговора. Одни с пониманием и с памятью о таких людях, как

святитель Тихон, соглашаются с необходимостью покаяния, другие считают проблему трудной, третьи резко выступают против. И может быть, каждому из читателей стоит заранее подумать: а что мы могли бы сказать в ответ тем, с кем мы не согласны? Мне и после круглого стола все хотелось возразить хотя бы на тезис о том, что только октябрьский переворот создал социальные лифты (на самом-то деле уже в Первую мировую чуть не половина генералитета происходила из крестьян

– а вот советская власть «прикрепила» тех из крестьян, кто остался в живых после коллективизации и голода 1930-х, к земле; и скорее всего пресловутые «лифты» были возможны прежде всего на одном пути: на партийной работе и на службе в «органзах»)… В каких-то из материалов этого номера можно найти ответы на заданные на этой странице вопросы. Хотелось бы надеяться, что это станет частью разговора, так необходимо-го всем нам в год столетия событий 1917 года

Фрагменты пресс-конференции «Столетие Февральской революции: уроки истории»

Профессор В.М. Лавров, доктор исторических наук: Из темы нашей пресс-конференции следует три больших комплекса вопросов. Первый: каковы причины того, что с нами стряслось в феврале–марте 1917 года, да и вообще в 1917 году? Второй: какие исторические уроки мы должны извлечь из опыта Февральской революции? И третий связан с тем, с чем мы пришли к столетию.

Готов говорить подробно обо всех комплексах, но сначала хочу обратить внимание на вопрос из третьего комплекса, который мне кажется принципиально важным: можно ли объединять Февральскую революцию и Октябрьскую социалистическую революцию в Великую российскую (или в Великую русскую) революцию? Я в данном случае являюсь сторонником позиции Ленина, который разделял эти революции или перевороты (он использовал термин «переворот» в том числе и по отношению к Октябрю). То есть прежде всего на мой взгляд – это две революции, а не одна. Но исторический процесс действительно единый: если бы не было Февраля, не было бы и Октября. Так что иногда их можно и объединить.

Мне кажется, что при этом термин «революция 1917 года» не совсем точен. Потому что если исходить из него, то получается, что конечной точкой этой революции явилось создание кровавой ЧК 20 декабря 1917 года. На самом деле революция продолжалась в 1918 году: и разгон Всероссийского Учредительного Собрания, и Брест-Литовский мир – это Октябрьская революция. Если говорить о какой-то итоговой точке, то это, конечно, первая советская конституция, принятая в июле 1918 года на V съезде советов, где, как говорили в советское время, «закрепили достижения Октября». Так что если говорить об Октябрьской революции – это не только 1917 год. Если же говорим о двух революциях как едином историческом процессе, то это период примерно с февраля 1917-го по июль 1918 года. А дальше, с лета 1918 года, начинается период широкомасштабной гражданской войны.

При этом нельзя не обратить внимание на то, что термин «Великая российская революция» подхвачен прежде всего теми, кто испытывает ностальгию по советскому прошлому. Это люди, которые сегодня зачастую (кроме, может быть, коммунистов) не хотят называть события октября 1917-го «Великой Октябрьской социалистической революцией» (после того, что уже известно об этой революции, как-то не хочется так о ней говорить). Но если к Октябрьской присоединить в конце концов и скрепя сердце Февральскую, получается якобы «Великая российская революция». Думаю, такой подход опасен. Потому что когда мы говорим «Великая», то подразумеваем что-то достойное, положительное. И действительно, «Великая Отечественная война» или «Петр Великий» звучат в положительном смысле.

Так вот, ничего положительного ни в Февральской, ни тем более в Октябрьской социалистической революции не было. Февраль – это национальная Русская катастрофа, крах тысячелетней великой православной державы. Что тут великого? Ничего. Что касается Октября, то результатом этой революции была попытка утопического эксперимента, который удавалось осуществлять только при небывалом в истории страны насилии. Это моря крови и во многом потерянный XX век. Так что никакой на самом-то деле Великой революции не было.

Я абсолютно согласен со словами главы Русской Православной Церкви, Патриарха Кирилла, прозвучавшими в позапрошлом воскресенье, когда он в храме Христа Спасителя сказал, что революция 1917 года – это великое преступление. И Февраль великое преступление, и тем более Октябрь. Это великое преступление против России, против русского народа, против будущего нашего народа. Такая оценка, данная русским православным Патриархом, мне представляется исторически верной. Проговорена историческая правда, и одновременно это определение духовно и нравственно – состоятельно.

Вопрос газеты «Кифа»: Мне очень близко то, что Вы цитировали Святейшего патриарха, с позицией которого мы безусловно согласны. Но мне кажется очень важным сейчас ещё всем нам как-то договориться и о том, как из этой ситуации выходить. Думается, не случайно такая конференция проходит в первый день Великого поста. Ведь каким может быть выход из всех ситуаций, где было совершено зло – в первую очередь нами самими по отношению к нам самим, потому что главной жертвой Русской катастрофы стал русский народ? Необходимо какое-то возвращение к пути жизни, какое-то по-

каание. Как Вы думаете?

В.М. Лавров: Святой Патриарх Тихон писал о том, что нестроения не закончатся в России, пока не будет всенародного покаяния. Я думаю, это более чем актуально. Причём я скажу так: какие бы мы хорошие программы к выборам ни выработывали, если не будет покаяния всенародного, не будет осуждения обеих революций 1917 года на государственном уровне, не будет очищения – мы всё равно останемся в этих нестроениях, пока не найдём в себе мужества покаяться. Вот тогда будут не благостные слова о примирении, а настоящее примирение. Сначала необходимо сказать историческую правду о революциях, о советском обществе, потом покаяние, а потом примирение на основе всего этого.

Причём нужно постараться учесть важнейшие уроки Февральской революции. А какие это уроки?

Первый: необходимо назревшие преобразования проводить сверху и вовремя, не под воздействием каких-то внутренних или внешних обстоятельств, а в результате стратегического анализа – куда идёт страна. Необходимо осмыслить, кто мы, откуда и куда и в соответствии с этим двигаться вперёд.

Второй: нельзя свергать законную власть. Что тогда получилось? У нас есть-таки претензии к Николаю II, к царскому правительству. Но стоило свергнуть законную власть – и началось постепенное сползание ко всё большему и большему беззаконию вплоть до красного террора и ГУЛАГа. Конструктивная критика законной власти возможна и необходима. Но свергать её нельзя.

И третий: всё-таки власть в такой огромной и всенародной стране, как Россия, должна быть по-настоящему сильной.

Фрагмент круглого стола: «Падение великой империи. К 100-летию Российской революции»

«Кифа»: Сегодня не раз во время круглого стола возникал вопрос о недостатке ответственности у всех, кто участвовал в событиях столетней давности. Но ведь после этого в течение столетия по разным причинам наиболее ответственных людей «выбывали» в первую очередь. Именно такие люди, скажем, первыми гибнут на войне. Я думаю, что они в первую очередь подвергались репрессиям и т. д. И в этом смысле мы пришли к сегодняшнему дню с некоторой наследственной анемией ответственности. Мы знаем, что одна из причин катастроф – это такое явление, как «усталость металла», то есть некоторый недостаток качества. Но невозможно вернуть это качество ответственности и другие необходимые для жизни народа качества просто напрягшись и надув щёки. Необходимо какое-то экзистенциальное усилие. Я знаю инициативную группу, которая считает, что выйти из этой ситуации анемией тех качеств, которые мы утратили – утратили, может быть, задолго до революции, – возможно путём покаяния. То есть не какого-то чина, а признания произошедшего в минувший век и в первую очередь сто лет назад – национальной Катастрофой и осознания необходимости возвращения к тем корням народной жизни, которые оказались перед этой Катастрофой утрачены.

Владимир Рудаков, редактор журнала «Историк»: Я согласен с первой частью Вашего выступления и не вполне согласен со второй. Я действительно считаю, что в XX

веке Россия, Советский союз, Российская империя – историческая Россия – пережила несколько серьёзнейших демографических катастроф. Связаны

они были как с внешним фактором – две мировые войны, так и с внутренним – революцией. И конечно, в таких событиях нация теряет наиболее активных, наиболее выдающихся своих представителей. Это правда. А что касается идеи покаяния, я, честно говоря, противник этой идеи. Она абстрактно правильная, и хорошая, и нужная. Но в реальной истории, в сегодняшнем дне она вновь актуализирует те расколы, которые мы пережили сто лет назад. То есть у нас опять появятся люди, которые будут призывать к покаянию, и опять им будут противостоять люди, которые будут совершенно справедливо недоумевать, а за что же им каяться.

Всё-таки генетическая идея покаяния происходит из той части нашего общества, которая вынуждена была покинуть нашу страну после событий 1917 года и которая, назовём вещи своими именами, чувствовала себя проигравшей. И в 1990-е годы, после того как возникла современная Россия уже в нынешнем формате, наметились пути объединения двух миров – России зарубежной и России здешней. Церкви объединились – и та, которая была за рубежом, и Московский патриархат. Так вот, нужно помнить ещё и о том, что здесь, в стране нашей, осталась значительная часть, огромное количество людей – потомков, назовём опять-таки вещи своими именами, «красных», победителей в этой истории или тех, кто приспособился к режиму. Но тем, которые считают себя в определённом смысле победителями, есть почему считать себя победителями. Как бы мы ни относились к самой революции, те процессы, которые она развернула в обществе уже в 1920–1930-е годы, созда-

ли колоссальные социальные лифты. Они вывели огромное количество людей на те траектории, на которые они никогда не вышли бы при старом режиме. Возьмём хотя бы наших прославленных во время Великой Отечественной войны маршалов, например крестьянского парня Георгия Константиновича Жукова, который стал выдающимся полководцем XX века. Поэтому тема покаяния тут же расколет эти два мира. И расколет по линии меньшинства, которое требует покаяния, и большинства, которое не понимает, в чём каяться. Я считаю, что каждый должен каяться индивидуально. А общество не должно вновь подвергать себя такой вот морально-нравственной и, на самом деле, политической экзекуции. Это опасно. Это чревато расколами. Я бы не хотел, чтобы мы в это дело себя всё время ввергали.

Роман Газенко, режиссёр: Покаяние – категорически нет. Ни одна страна мира не кается за исторический бред, который она прошла... Надо анализировать ошибки... Извините, мозгами надо начинать работать. Каяться – это смотреть в прошлое и себя высекать, как унтер-офицерская вдова. Простите, пожалуйста, я не несу ответственности за то, что делали мои прадеды, которые оказались по две стороны тогдашних баррикад. Что мне делать сейчас? Одной частью личности каяться за то, что сделали одни, а другой частью – за то, что сделали другие? Я хочу жить в будущем, я хочу жить в настоящем! Я хочу смотреть в будущее – никакого покаяния! Только серьёзный

анализ, только знание, только просвещение, только серьёзный разговор с обществом.

Армен Гаспарян, журналист: Давайте я очень быстро скажу про покаяние. Вы знаете, в недрах церковной русской эмиграции ни у представителей Карловацкого собора, ни потом у сторонников митрополита Евлогия этой идеи почему-то не было.

«Кифа»: А у патриарха Тихона была...

Армен Гаспарян: Хорошо. Если мне не изменяет память, то каяться должны были бы изначально участники всех этих событий. Они почему-то не то чтобы не стремились к этому процессу, а, наоборот, всячески уходили от этих разговоров. Мы с вами являемся потомками. Вот я, например, правнук участника тех революционных событий. Означает ли это, что я, как правнук, должен с кем-то, я не знаю, пойти на Красную площадь, пасть ниц и, задрвав голову, начать каяться?

«Кифа»: Только если Вы сами захотите этого.

Армен Гаспарян: Нет, за кого я должен каяться? За своего прадеда? За всю РСДРП(б)? Вообще за всю страну? Как Вы себе видите этот процесс?..

Ведущая: Давайте на этой оптимистичной ноте завершим наш замечательно интересный круглый стол...

Материалы страницы подготовила Александра Колымагина

Март 1917: «Приказ № 1»

Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже речи. Уговоры и убеждения потеряли силу, на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника. Были случаи, что отданное приказание – спешно выступить в поддержку – обсуждалось часами на митингах, почему поддержка опаздывала на сутки. При первых выстрелах неприятеля части нередко бросают позиции. На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов, с ружьями и без них, – здоровых, бодрых, потерявших всякий стыд, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Иногда так отходят целые части. (Из сводной телеграммы Главнокомандующего исполнительного комитета Юго-западного фронта, армейского комитета и комиссара XI армии после провала июньского наступления 1917 года)

Без «дезорганизации» армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Первой заповедью всякой победоносной революции – Маркс и Энгельс многократно подчёркивали это – было: разбить старую армию. В.И. Ленин

Соглашаясь в том, что «документ», названный «Приказ № 1», явился одной из основных причин распада российской армии после февраля 1917 года, историки до сих пор противоречат друг другу в частностях. До конца непонятно, кто именно является автором (скорее всего, это «коллективное творчество») и почему дезавуирующие этот текст заявления нисколько не помешали его широкому распространению не только в петроградском гарнизоне (которому этот текст был адресован), но и в действующей армии.

Тот, кто помнит хронику событий февральского переворота, хорошо представляет себе две вещи. Первое: 27 февраля (*даты здесь и далее приводятся по старому стилю. – Ред.*) город наполнился взбунтовавшимися, часто потерявшими человеческий облик солдатами запасных полков, обезоруживавшими и убивавшими своих офицеров. Второе: временный комитет Государственной думы, один из возникших в этот день центров власти, пытался (громогласно приветствуя «революционный народ») ввести хоть в какие-то берега анархическое море, затопившее Петроград.

Результат этих попыток для кого-то из деятелей февраля оказался неожиданным. Вот как описываются события утра 1 марта в «Красном Колесе» глазами М.В. Родзянко: «Кажется, день начинался неплохо. Рассветло. Вот уже скоро опять, наверно, станут подходить к Таврическому с музыкой и в дурном строю воинские части, желающие приветствовать Думу. И в общем, эти шествия лучше, чем солдатский бунт...

Но тут почти вбежал бледный Энгельгардт.

А такая обстановка опять была, посторонняя публика, не всё и скажешь вслух. Отошли на сторону.

– Михаил Владимирович, страшная беда! – говорил Энгельгардт, в военном мундире, но не с военным видом крайнего испуга. – Откуда-то пошёл среди солдат слух о каком-то “приказе Родзянко”, которого вы ведь не издавали? Будто ваш приказ: всем возвращаться в казармы, сдавать оружие и подчиняться офицерам.

Брови и лоб Родзянки выкатились. Такого прямого приказа он не издавал¹, но высловлялся именно так, – а как же иначе? А если солдатам не вернуться в казармы и не подчиниться офицерам...? До каких же пор хулиганить?

– Ужасное, ужасное недоразумение! – сокрушался Энгельгардт. – Вы не представляете, что заварилось! В казармах – новые вспышки! Вернувшихся офицеров – прогоняют, грозят убить! Говорят – будет массовое их избиение! И грозятся убить – вас!... Вам небезопасно выходить сейчас к делегациям...»²

Результатом паники Энгельгардта стало заявление (которое сегодня мало кто вспоминает), растиражированное единственной выходившей в те дни газетой – «Известиями Совета рабочих депутатов». В заявлении говорилось: «Сего 1 марта среди солдат петроградского гарнизона распространился слух, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат... Как председатель Военной Комиссии Временного Комитета Государственной Думы я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров, вплоть до расстрела виновных. Член Государственной Думы Б. Энгельгардт»³.

Итак, солдаты из страха перед неотвратимым наказанием за бунт не хотели ни подчиняться офицерам (даже тем, кто признал «новую власть», несмотря на то, что старая ещё существовала – ведь император ещё не отрёкся), ни давать им в руки оружие; думцы же из страха перед «революционным народом» готовы были идти у него на поводу.

Вечером с этой же проблемой столкнулся второй центр власти, исполком Совета рабочих депутатов (который очень скоро будет вынужден ввести в своё название, как и в название своей газеты – «Известий» – слова «и солдатских»): «...дверь из комнаты Совета вдруг распахнулась – и оттуда валился – нет, не весь Совет, не орда диких штыков, – оттуда вшагнул расстёгнутый распаренный Соколов⁴, ещё возглавляя движение, а за ним – десяток самых простых солдат, весьма невыразительных физиономий. Что это?

И Соколов уверенно объявил, что это с ним – новое

пополнение Исполнительному Комитету – десятеро депутатов от солдат!

Это было – самочинно! непредвиденно! невероятно!

Как это так? – никого не спросая, привести?

...Но они – втопали, и вот стояли!

Впрочем, стульев для них всё равно не было.

Обстановка очень испортилась: как можно теперь что-нибудь серьёзное обсуждать? Во что превратится теперь Исполнительный Комитет?

...Соколов, войдя сюда, и сам конечно почувствовал. И оправдывался теперь:

– Мы выбрали временно, только на три дня. И главным образом решить вопрос о солдатских правах. Мы выносим на Исполнительный Комитет пожелания пленума Совета... Офицерам оружия не выдавать. И какие офицеры вели себя нелояльно к революции – их к командованию не допускать. И обеспечить солдатам все демократические права...

И Нахамки⁵ оценил обстановку и сразу это принял:

– Так прекрасно, Николай Дмитрич, прекрасно! Вот и берите вашу команду, подите займите какую-нибудь комнату – и вырабатывайте документ. А мы на Исполнительном Комитете – утвердим. Я к вам ещё приду.

Переглянулись – ну что ж, хорошо, согласны, пусть идут.

...Необычность предполагаемого документа вызвала задержку даже у тёртого Соколова.

Немало он составлял за жизнь адвокатских документов – прошений, обжалований, протестов, да и социальных разных немало. Но сейчас не совсем понимал форму: что оно такое будет? Постановление Совета рабочих депутатов? Воззвание? Обращение к гарнизону?

...Затопались солдаты, уже не слишком доверяя, одолеет ли их вожатый всё теперь гладко на бумаге написать?

Вдруг Линде⁶, запрокинув голову, с полужакрытыми веками произнёс вполголоса, как заклиная:

– При-каз!...

По штатскости своей Соколов не воспринял: как может быть приказ? чей приказ?

А тут вошёл увалисто Нахамкис, проверить их. Стал у стены, выше их всех, руки позади. Узнал, в чём затруднение, и сказал:

– Как бывший военный человек поддерживаю: приказ.

Солдатам понравилось, загудели:

– На родзянковский приказ – и наш приказ!

Что ж, неплохо, революционное творчество. Приказ?

Но – от кого приказ? Приказы подписывают генералы.

– А у нас подпишет Совет рабочих и солдатских депутатов, – спокойно отпустил Нахамкис.

– А как они пишутся, приказы?

Нахамкис задумался. Его военная служба в якутской местной команде была лет сколько назад, хотя и был он в роте лучший “фрунтовик”, и офицер же помог ему из ссылки бежать.

И не было больше тут ни офицера, ни старшего унтер-офицера, ни младшего. Но сами же солдаты помнили кое-что из приказов. И самый налезчивый, лицо в оспинах, отважно ткнул в бумагу грубым пальцем, грязным ногтем:

– Должен быть номер у приказа!

Какой же номер? Ещё ни одного не издавали.

– Значит – первый.

Соколов красиво крупно вывел: “Приказ №1”.

...Свой приказ-первенец страстились солдаты сопроводить:

– Для немедленного и точного исполнения!

Они и сами знали, что так не писалось. Но слова такие – слыхивали. А приказ этот – защищал их головы.

А дальше – суть. Она была подработана ещё утром на ИК, и Соколов и Кливанский её уже всю прокричали и проголосовали на шумном сборище в 12-й комнате. Да у Кливанского и на бумаге есть: как относиться к возврату офицеров, к Военной комиссии, как быть с оружием. Но начать надо – с солдатских комитетов, это рычаг Архимеда.

...Немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов...

...Отнять армию у Государственной Думы. И отнять уже завтра к утру!

Нахамкис веско добавил:

– Николай Дмитрич, оттените: во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих депутатов и своему комитету. И больше никому.

Соколов быстро писал, перо не кляксило, не задирало, уже перешёл на второй лист.

А Кливанский со своей бумаги заботливо дальше:

– А приказы Военной комиссии исполнять только если не противоречат постановлениям Совета Рабочих и Солдатских...

Нахамкис тихо ушёл.

А солдаты, не мешая перу Соколова, между тем опять заспорили о главном деле, как они понимали: у кого ж будет оружие? В той комнате накричано: офицерам не выдавать. И для свободы – надо б его забрать себе.

...Должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не могут выдаваться офицерам даже по их требованию...

Там, в дневном перекрике, много чего наворотили:

и офицерам не жить вне казарм, и погоны с них снять, и которого рота не подтвердит – на левый фланг. А – как же теперь?

И Линде – вытянув руку, как крыло, будто косо спускаясь к солдатам:

– Да! Да, товарищи! Раз комитеты выборные – то

офицеры тем более выборные!

Сробели солдаты: эт' кого мы в офицеры себе сами возжелаем? Вот – его для прикладу?

Ну, не именно из солдат, объяснял Кливанский. Из офицеров же, но которые получше. А которые к вам плохие – метлой.

Солдаты робели.

А образованные за столом – нисколько. И вписали.

Солдаты затопались: не! не! всё ж таки совсем на-чисто отменить воинску дисциплину – никак не можно. Всё ж таки немец стоит на нашей земле – и как же в армии без порядку? Просили солдаты: дисциплину оставить.

– Хорошо, – уступил Соколов, удивляясь пугливости стада. И вслух повторял, что писал:

...В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину...

Так, так, – улыбались. Без порядку – кака армия?

– А как из строя рассыпались – так всё, свобода. И солдаты пользуются всеми правами граждан!

– И – чести больше не отдавать! – Максим из своей бумажки.

Солдатам опять неловко:

– Какая ж служба без чести?

– Не отдавать! – весь задрожал Линде, голову вскинул, румянец на бледных щеках.

...Ну, а кончать – это уж как положено. Тут оспаной знал:

– Настоящий приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, экипажах и прочих строевых и нестроевых командах...

Совершилось.

И отпустил Соколов солдат. И собрал листы.

Теперь понесли листы в ИК, на утверждение.

– А там что ж? Отправляю в “Известия” к Гольденбергу⁷, к утру катнём отдельной листовкой. И – пошло!

А если не развалить старую армию – так она развалит революцию».

Похороны убитого морского офицера

Хочется добавить, что большевиков в те дни почти не было ещё в исполкоме (а наиболее активный из них – Шляпников – постоянно отлучался, беспокоясь о скорейшем вооружении рабочих). Но среди тех солдатских депутатов, которые составляли «Приказ №1», большевиков было достаточно (в мемуарах остались имена многих из них, и партийная принадлежность известна). Да и в дальнейшем именно большевики прежде всего донесли этот «Приказ» до действующей армии и апеллировали к нему в своей агитации.

Исполком совета очень быстро понял, что с «Приказом №1», уже растиражированным в сотнях тысяч экземпляров (в некоторых источниках в качестве итоговой цифры тиража приводится 9 миллионов) они погорячились. 3 марта в дополнение к нему был выпущен «Приказ №2», некое половинчатое отступление назад. Но он не исправил, а лишь усугубил ситуацию: он признавал все уже состоявшиеся выборы офицеров. Более того, он закрепил особое положение петроградского гарнизона, который запрещено было посылать на фронт «за заслуги перед революцией». Позже это постоянное давление развращённой массы не желающих идти на фронт «запасных» сыграло свою зловещую роль в сползании от февральских событий к октябрьским. Фразу же о том, что «Приказ №1» относится только к петроградскому гарнизону, мало кто заметил. Кроме того, только «Приказ №1» активно распространялся в действующей армии, а последующие менее разрушительные и «более патристические» воззвания широкого хождения не имели.

Тем временем в армии (где-то медленно, но где-то и быстро) распространялась петроградская зараза. Начались убийства офицеров. Уже 3 марта вспыхнул бунт на Балтийском флоте (расположенном в Гельсингфорсе, ныне Хельсинки).

Приказ № 1

Начало на с. 7

О потерях офицерского состава флота в этот день Солженицын пишет: «Вместе с кронштадтскими потеряли, скоро получится, – половину офицеров, погибших при Цусиме»... Адмирал Непенин, сразу же признавший Временное правительство, восторженно принявший революцию, вынужден был отправить в Ставку и Думу телеграмму: «Балтийский флот как военная сила не существует». На следующий день он и сам был убит.

Остаётся вопрос: почему в действующей армии так легко приняли «к исполнению» бумажку, конечно не являющуюся в строгом смысле слова никаким приказом? Об этом вспоминает служивший в то время в артиллерии философ Фёдор Степун.

«Уже целую неделю, если не больше, мы жили как впотьмах. Выпущенный Петербургским⁸ советом рабочих и солдатских депутатов уже на четвёртый день революции знаменитый приказ № 1 внёс во фронтовую жизнь, несмотря на то, что он был дан только петроградскому гарнизону и к действующей армии никакого отношения не имел, невероятную путаницу: *возбудил в солдатах совершенно несбыточные надежды* и вызвал вполне справедливое возмущение в офицерской среде. Стояло ли за этим приказом, подписанным никому неизвестными именами, Временное правительство, или нет, оставалось неизвестным»⁹. Временное правительство (в лице военного министра Гучкова), к сожалению, повторило в приказе 114 некоторые положения «Приказа №1» и тем косвенно подтвердило его легитимность¹⁰. Одним из знаковых положений, в которых оказались согласны и тот и другой документ, была отмена отдания чести.

От современных историков иногда приходится слышать, что народ с готовностью принял страшное «право на бесчестье». И только сейчас для меня это «право» связалось с текстом «Приказа №1». Он, как и многие события того времени, выявил болезненное желание, охватывавшее всё большую и большую часть народа, – отрицать все и всяческие границы, в том числе и границы, которые накладывает на человека добровольное признание другого – старшим или равным. Человеком, обладающим честью.

Тех, кто был способен устанавливать и держать границы, оказалось слишком немного.

Материал подготовила Александра Колымагина

¹ В Википедии приводится текст «приказа Родзянко», якобы ставшего причиной возникновения «Приказа № 1». Правда, в качестве источника этого «документа» указываются... протоколы Совета рабочих и солдатских депутатов, иначе говоря, рассказ заинтересованной стороны! Тем не менее, даже если это текст подлинного приказа, он ни слова не говорит о разоружении солдат (а стоило бы...).

² Все цитаты, если это не оговорено особо, – из «Красного Колеса».

³ Существуют противоречивые сведения о том, кто в первые дни марта возглавлял военную комиссию. Одни мемуаристы называют А.И. Гучкова, другие – Б.А. Энгельгарда. Возможно, они оба в эти дни считали себя её руководителями.

⁴ Николай Дмитриевич Соколов – сын духовника царской семьи, присяжный поверенный, социал-демократ, секретарь исполкома Петровета. Умер своей смертью в Ялте в 1928 г.

⁵ Юрий Михайлович Стеклов (Нахамкис) родился в 1873 в Одессе, в зажиточной семье. В феврале 1917 года стал членом исполкома Петровета и редактором «Известий» (до мая 1917 года). После октябрьского переворота в 1917–1925 годах был редактором «Известий». Стал одним из авторов первой Конституции СССР 1924 года. Арестован 3 февраля 1938 г. и приговорён к 8 годам тюремного заключения по обвинению в контрреволюционной агитации и незаконном хранении оружия. Умер 15 сентября 1941 г. в Саратовской тюрьме от дизентерии и крайнего истощения.

⁶ Фёдор (Фридрих) Линде родился в 1881 году. Учился на реальном отделении Главного немецкого училища Св. Петра, на математическом факультете Петербургского университета. В 1905 г. вступил в партию большевиков, участвовал в революции 1905–1907 годов. В апреле 1912 г. выслан за границу на два года. Вернулся в Россию накануне Первой мировой войны. Был вольноопределяющимся в Финляндском полку. Летом 1917 года назначен комиссаром Юго-Западного фронта. В августе растерзан взбунтовавшимися солдатами, которых резко обличал за нежелание выполнять боевые приказы.

⁷ Иосиф Петрович Мешковский (Гольденберг) с февраля по май 1917 года по приглашению Ю.М. Стеклова входил в состав редакции «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

⁸ Так у Ф. Степуна.

⁹ Цитата из книги воспоминаний «Бывшее и несбывшееся».

¹⁰ В этом контексте можно вспомнить и некоторые другие постановления Временного правительства, в частности подписанную А.Ф. Керенским в мае 1917 года Декларацию прав солдата.

НЕПРИДУМАННЫЕ СУДЬБЫ НА ФОНЕ УШЕДШЕГО ВЕКА

ПИСЬМА М.В. ШИКА (СВЯЦ, МИХАИЛА) И Н.Д. ШАХОВСКОЙ (ШАХОВСКОЙ-ШИКА)

ТОМ II • 1926–1942

Культурно-просветительский фонд «Преображение» выпустил второй том книги «Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века: Письма М.В. Шика (святи, Михаила) и Н.Д. Шаховской (Шаховской-Шика)». В него вошли письма периода ссылки о. Михаила в Среднюю Азию, где он принял священство, и его служения в Малоярославце в потайной церкви.

Сейчас не пишут бумажных писем, и мало кто способен прочесть роман в письмах, а тем более подлинную перписку. Действительно, такое чтение требует от нас усилия – войти в личные отношения двух незнакомых нам людей. Но когда всё-таки вчитываешься, преодолев это первое напряжение, в книгу «Непридуманные судьбы на фоне ушедшего века», то усилие вознаграждается с лихвой: переписка о. Михаила Шика и Натальи

Жизнь Церкви в письмах

Дмитриевой Шаховской оказывается не только и не столько бытовыми семейными письмами между мужем и женой, которые пишут друг другу о болезнях детей, о тяжёлых условиях своей жизни и прочей «суете, переложенной на бумагу» (так самокритично характеризовала Наталья Дмитриевна свои письма). Это также живое свидетельство двух талантливых, незаурядных людей о смене эпох в России. В целом переписка охватывает период с 1911 по 1942 г. (события Первой мировой войны, переворотов 1917 г., репрессий, Великой Отечественной войны). На протяжении этих долгих лет меняются взгляды корреспондентов. Молодые прекрасно образованные, имеющие высококультурный круг общения Михаил и Наталья ищут, как они могут послужить миру, сделать его лучше, и находят ответ на свой экзистенциальный поиск в христианстве в то время, когда христиане, как и в первые века существования церкви, претерпевают гонения от государства, когда появляются новые мученики и исповедники веры.

Во второй том издания вошли письма периода 1926–1942 гг. Большую его часть занимают письма, написанные Михаилом Владимировичем из ссылки в Среднюю Азию, в Турткуль (1926–1927 гг.), где он принял священнический сан. Продолжение переписки приходится на 1934 г., когда у Натальи Дмитриевны обостряется туберкулёзный процесс и она уезжает на лечение в Москву, а о. Михаил вместе с детьми остаётся в Малоярославце, в доме, купленном в 1931 г., где священник тайно совершал богослужения после ухода за штат из-за несогласия с церковной политикой митрополита Сергия (Страгородского). Также в книгу вошли письма друзей из ближайшего

окружения семьи Шиков, единственная сохранившаяся проповедь о. Михаила и цикл его стихов «В Страстную седмицу», написанный в начале 1920-х гг.

Удивительно, что супругам, находившимся в разлуке несколько лет, удавалось сохранять общую жизнь во Христе, которая способствовала, как они сами об этом свидетельствовали, и сохранению брака по плоти. «Как найти ту меру, чтобы письма были вполне открытыми и правдивыми, – писал о. Михаил, – удовлетворяли потребности существенного общения и вместе с тем не вываливали другому всё твоё душевное сырьё, которое потом приходится переваривать 1,5 мес.?» Ответ они находили в том, что договаривались об общем чтении глав из Евангелия на каждый день, в том, что исповедовались друг другу, когда трудно было найти рядом духовника, открыто и с полным доверием писали о том, какие видели страсти друг в друге, обязательно просили друг у друга прощения накануне причастия, поддерживали друг друга в том, чтобы во всём и всегда полагаться на волю Божию. Они видели предназначение христианского брака в том, чтобы в общем духе «рождать нового в себе человека».

Особняком в книге стоит последнее, прощальное неоконченное письмо Натальи Дмитриевны, написанное в 1942 году, в то время, когда её мужа уже 5 лет не было в живых – он был расстрелян в 1937 г. в Бутове. Предчувствуя свою скорую кончину, она просит у о. Михаила прощения за все «взаимные огорчения... от непонимания и нетерпения» и сообщает ему о главном – о том, что в их доме после ареста о. Михаила не прекращалась подлинная церковная жизнь, продолжала служить литургия.

Татьяна Васильева

Голос, звучащий из недр Русской церкви

В 2016 году протопресвитеру Виталию Боровому исполнилось бы 100 лет. В честь юбилея этого замечательного священника, церковного историка, педагога и дипломата, ставшего участником многих ключевых событий для Русской православной церкви в XX в., издательство СФИ выпустило книгу проповедей, а также готовит к публикации сборник «Путь от пастуха до пастыря. In Memoriam».

Сборник проповедей «Быть свидетелями Христа» не случайно носит такое название. Многие проповеди, публикуемые в нем, призывают слушающих слово проповедника оживить свою веру, преодолеть страх и свидетельствовать о Христе, несмотря на то, что они говорились в разгар «застойных» времен (в сборнике опубликованы проповеди с 1974 по 2004 г.), когда государство строго контролировало любые попытки миссии: запрещалось издавать и распространять Библию, для крещения ребенка родителям было необходимо предъявить паспорт, а за религиозную деятельность можно было сесть в тюрьму. Мало того, проповеди о. Виталия, которые митропо-

лит Антоний Сурожский называл «голосом, звучащим из недр Русской церкви», произносились с амвонов Богоявленского патриаршего собора, храма Воскресения Словущего на Успенском вражке, то есть в самом центре Москвы.

В 1982 году в Неделю о расслабленном о. Виталию было неожиданно поручено сказать проповедь в Елоховском соборе в присутствии популярного американского протестантского проповедника Билли Грэма, который приехал в СССР по приглашению патриарха Пимена для участия в международной миротворческой конференции. В своём слове о. Виталий сравнил Русскую православную церковь с расслабленным, которому Господь говорит: «Встань, возьми одр твой и ходи!» – «...и она [церковь] встаёт и идёт – и удивляются народы», хотя «некоторые» тут же указывают ей на то, что она делает это в субботу и нарушает установления. Но на это церковь может ответить так, как ответил исцелённый расслабленный: «Тот, Кто поднял нас, Тот, Кто дал нам силу встать и ходить, Тот сказал: делай это – и мы делаем. Ибо Иисус Тот, Кто сделал нас живыми, ходящими, встающими от слабости нашей».

Слово о. Виталия, сказанное почти 40 лет назад, остаётся актуальным и в наши дни. Почему? – «Потому что он всегда чувствовал, где духовный центр, в чём воля Божья, а где то, что этой воле противостоит», – сказал о. Георгий Кочетков в своём слове, предваряющем новое издание проповедей о. Виталия.

Во второй сборник, посвящённый столетию о. Виталия Борового, – «Путь от пастуха до пастыря. In Memoriam» – войдут воспоминания и интервью известных архиереев Русской, Константинопольской и Польской православных церквей, профессоров Московской духовной академии, священников и мирян, близко знавших его в течение многих лет. Также в книге будет впервые опубликована автобиография о. Виталия из его личного архива.

Татьяна Васильева

Как молиться о России

Новое издание Свято-Филаретовского православно-христианского института представляет собой и сборник уникальных документов по истории нашей страны, и практический молитвослов для всех, кто боится души за судьбу России. В книге собраны молитвы, написанные известными иерархами, прославленными святыми Русской православной церкви: патриархами Ермогеном и Тихоном, епископом Афанасием (Сахаровым), святым праведным Иоанном Кронштадтским, – а также верующими людьми, не имевшими священнического сана: основателем Крестовоздвиженского православного трудового братства Николаем Неплюевым, русским писателем Александром Солженицыным. Собрание исторических молитв о России дополнено молитвами, родившимися в среде православных христиан в начале XXI века.

Публикация книги осуществляется в рамках проекта «Акция национального покаяния», приуроченного к 100-летию революции в России. Узнать об акции можно на сайте pokayanie1917.ru

В Москве прошла VI конференция «Современная православная гимнография»

Конференция, организованная Центром по изучению церковнославянского языка Российской академии наук, состоялась 22 февраля в Малом конференц-зале Института русского языка РАН.

Цель этой междисциплинарной конференции – осмысление современных проблем церковного литургического творчества и выработка в научном сообществе языка для их обсуждения, отметил председатель оргкомитета кандидат филологических наук Александр Кравецкий, ведущий научный сотрудник Отдела

В таких тетрадках до нас дошло литургическое наследие братства епископа Макария (Опоцкого)

особенность этих молитв – переживание Церкви как Братства учеников Христовых. В текстах присутствуют прежде всего не просьбы об утешении в тяготах жизни, но засвидетельствованы желание подражать Христовым апостолам в их служении, размышление над действием Лиц Святой Троицы, творческое толкование существующих литургических молитв (Блаженств, Молитвы Господней и других). Молитвы отличает широкое цитирование новозаветных текстов, простой нестилизованный русский язык. Зоя Дашевская отметила, что, хотя конкретные особенности богослужбной практики братства сейчас невосстановимы, по свидетельству Екатерины Ивановны Пикиной, эти молитвы использовались и владыкой, и членами братства и были частью её собственной ежедневной молитвенной практики. Избранные молитвы изданы Культурно-просветительским фондом «Преображение».

Монахиня Евстолия (Егорова), сотрудница проекта «Литургическое наследие Православной церкви» (Введенский монастырь, Иваново),

А это современное издание молитв братства владыки Макария, выпущенное Культурно-просветительским фондом «Преображение»

сделала доклад «Осмысление опыта новомучеников XX века в новой гимнографии», сопровождавшийся не только представлением самих текстов, но и их вокальным исполнением. Она отметила, что сегодня наиболее актуальными остаются богословские вопросы о границах церкви (экклесиология) и о соотношении воли Божьей с волей человеческой, связанные с сотериологией. Именно с этой точки

Монахиня Евстолия (Егорова), сотрудница проекта «Литургическое наследие Православной церкви»

зрения докладчица проанализировала молитвы святым XX века.

Священник Максим Плякин, секретарь комиссии по канонизации Саратовской епархии, член Межсоборного присутствия Русской православной церкви, рассказал о трудах архимандрита Дионисия (Гийома) – крупнейшего исследователя и переводчика богослужения восточного обряда. Самым грандиозным его проектом стал перевод всего корпуса православного богослужения на французский язык, которым до сих пор пользуется практически вся франкоговорящая Европа. Каждый свой перевод отец Дионисий сопровождал подробным литургическим комментарием. Его первым собственным гимнографиче-

Зоя Дашевская, декан богословского факультета СФИ

лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка.

О современных авторах и переводчиках богослужбных текстов Сербской православной церкви рассказала Ружица Левушкина (Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств).

Декан богословского факультета СФИ Зоя Дашевская в своём выступлении проанализировала литургический опыт, зафиксированный в молитвах, написанных членами православного братства епископа Макария (Опоцкого) (1872–1941) – архиерея, посвятившего жизнь проповеди Евангелия и устройению христианских общин (и получившего на то благословение патриарха Тихона). Тексты молитв, записанные в тетрадках от руки, дошли до нас благодаря последней братчице Екатерине Ивановне Пикиной, почившей в 2012 году.

Наиболее яркая богословская

Священник Максим Плякин, секретарь комиссии по канонизации Саратовской епархии, член Межсоборного присутствия Русской православной церкви

ским произведением стала служба Франциску Ассизскому восточного обряда, составленная им в 1990 году для своего Бенедиктинского ордена. Папский архидиакон при папах Иоанне Павле I и Иоанне Павле II, в 1963 году отец Дионисий перешёл из латинского в византийский обряд, а в 1994 – в православную церковь. Отец Максим рассказал о судьбе этого удивительно плодотворного исследователя и его литургическом наследии, насчитывающем более полутора сотен наименований.

Также прозвучали исследовательские доклады, посвящённые истории формирования и авторству отдельных акафистов и канонов, исторической реконструкции чинов, семантическому и лексическому анализу богослужебных переводов.

В конференции приняли участие филологи, литургисты, историки – представители Института всеобщей истории и Института русского языка РАН, Московской духовной академии, Православного Свято-Тихоновского университета и других институтов и научных проектов, а также современные авторы богослужебных текстов.

Софья Андросенко

Сайт Свято-Филаретовского института <http://sfi.ru>

«Установить раз и навсегда определённые чины нельзя, как нельзя остановить развитие человечества»

Фрагмент доклада К.А. Мозгова «Литургическая реформа в России в XVII в.» на Сретенских чтениях в Свято-Филаретовском институте

«Трагическое явление старообрядческого раскола, возникшего в связи с исправлением богослужебных книг при патриархе Никоне, настолько потрясло Русскую Церковь и запугало церковную власть, что с конца XVII в. прекращаются её заботы об улучшении богослужебного текста, которые являлись традиционными с конца XV в. и выражались в многократном, можно сказать, почти непрерывном исправлении текста московскими справщиками – монастырскими старцами и протопопами в XVI и XVII веках»¹.

Б.И. Сове

Богослужение на протяжении всей христианской истории так или иначе трансформировалось, реформировалось, обретало новые формы и далеко не сразу стало столь сложным и разнообразным по своей форме и содержанию. На Руси долгое время изменения были столь несущественными, что сам процесс проходил малозаметно и никакого раскола не породил (так, переход со Студийского устава на Иерусалимский прошёл спокойно во многом в силу их сходства). Указ об унификации богослужебных книг издавал и митр. Киприан². «Сознание, что наши церковные книги неисправны, заключают в себе много погрешностей, что их необходимо исправлять и притом по греческому тексту, существовало у нас давно. Книжные исправления Максима Грека, так печально окончившиеся для самого исправителя, были вызваны этим именно признанием неисправности существующих наличных славянских переводов»³. Это один из драматических моментов русской истории, поскольку Максима Грека обвинили в сознательной ереси, хотя он всего лишь (не очень хорошо владея славянским) путал в своих переводах аорист и перфект. Ещё более трагические события связаны с реформой богослужения XVII века.

...Долгое время бытовало мнение, что Никон лишь хотел исправить церковные книги не только по славянским, но и по греческим, и притом древним, спискам, чтобы устранить

все вкравшиеся со временем прибавки и новшества, а также погрешности переписчиков. Как писал А.А. Дмитриевский, «общепринятой оставалась историографическая схема, содержащаяся в предисловиях к никоновским изданиям богослужебных книг. Эту точку зрения хорошо сформулировал митр. Макарий (Булгаков): «Никон, – писал он, – пожелал исправить наши церковные книги не по одним славянским, но и по греческим спискам, и при том по спискам, славянским и греческим, древним, чтобы очистить эти книги от погрешностей, прибавок и новшеств, которые вкрались в них с течением времени, особенно в два последних столетия» (Макарий V, 117)»⁴.

Но «...беспристрастный анализ новоисправленных книг, которыми Русская Церковь и славянские балканские Церкви пользуются до сего дня, сравнительное изучение их с греческими и старопечатными книгами, последние работы русских историков и литургистов в начале XX в. установили новые факты, неизвестные даже корифеям русской исторической науки (например, Е.Е. Голубинскому), и показали дефекты справы»⁵. Никоновские справщики и их преемники, как выяснилось, не пользовались греческими «харатейными» книгами, как утверждало предисловие к Служебнику 1655 г. Привезённые в большом количестве (а на самом деле – не таком уж и большом, – см.: Дмитриевский. Цит. соч. – К.М.) для справщиков с Афона Арсением Сухановым греческие рукописи не были ими использованы, обогатив лишь Московскую Патриаршую (Синодальную) библиотеку. Навряд ли справщики и могли бы справиться со сложными текстуальными проблемами греческого рукописного наследия со множеством вариантов и разными редакциями чинов. Справщики разрешали задачу более просто, пользуясь печатными книгами, большей частью юго-западной печати»⁶.

...В 1655 г. выходит первая исправленная книга – Служебник. Изменения касаются не столько языка (языка даже в меньшей степени), сколько обряда: например, католиков теперь не перекрещивают, а миропомазывают.

Созывается собор, на который приглашаются точные патриархи. Несмотря на полученное от патриарха Константинопольского письмо, где он пишет, что обряд и различия – вещи вторичные, в 1656 году в Неделю Торжества православия, в Успенском соборе провозглашается соборная анафема (с участием патриархов Антиохийского и Сербского) не только еретикам, но и двоеперстию. Встаёт вопрос о необходимости и достаточности – т. е. можно ли спастись по старым книгам? Многие утверждают, что если отцы спасались, то и нет необходимости что-то менять. На это следует обратная реакция: накладываются клятвы и анафемы на старые книги и обряды (и кто-то воспринимает это как анафему всем старым русским святым, придерживавшимся этих обрядов).

В 1658 г. Никон оставляет кафедру, однако раскол нарастает. Собор 1666–1667 гг. провозглашает обязательной «трегубую Аллилуйю» и соборно (с восточными патриархами) анафематствует старообрядцев.

В данном случае получилось, что греки поступили не слишком дальновидно – поддержав эти анафемы, они не смогли сделать богослужебные различия догматическими, тем самым только укрепив позиции старообрядцев, которые получили подтверждение, что вопрос обрядов – именно догматический. Стоит отметить, что при этом реформа, окончательно соединившись с догматикой, потеряла всякий смысл.

Ещё одним принципиальным моментом, приведшим к столь острой реакции на реформу патр. Никона, было то, что она проводилась именно как реформа, «спущенная» сверху и обязательная для всех. Возможно, что при других методах проведения она не вызвала бы такого протеста. Спорна и сама задача не просто выработки эталона богослужебного славянского текста, но именно его унификации с греческим образцом. Дмитриевский отмечает, что «такого полного тождества церковно-богослужебной практики в церквах Православного греческого востока история христианской церкви и богослужения не знала и не знает

до настоящего времени, в силу того обстоятельства, что православное богослужение имеет своей задачей воспитывать и удовлетворять запросы людей известного времени, известного места. Каждая церковь пользовалась своими чинами и может вырабатывать новые чины, вызываемые потребностями данного времени. Установить раз и навсегда определенные чины нельзя, как нельзя остановить развитие человечества»⁷.

Были в новых книгах серьёзные недостатки и с точки зрения языка: много грецизмов (прежде всего синтаксических), произвольные замены слов, непонятные выражения. Всё это тоже вызывало справедливое недоумение.

Позже патр. Иоаким продолжил справу, и к концу XVII века происходит унификация богослужения на территории всей России. Но ошибки в новых книгах сохранялись, что требовало дальнейшей работы. В то же время оставался страх перед тем, что это вызовет новый раскол, и реформу остановили. Таким образом, получившиеся книги стали образцом на последующие по меньшей мере три столетия.

Полностью этот и другие доклады, прозвучавшие на XXIII ежегодной международной научной богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов «Сретенские чтения», можно прочитать на диске, выпущенном издательством СФИ.

¹ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. М., 1970 г., т. 5. С. 25.

² Митрополит Киприан (ок. 1330 – 16 сентября 1406) – митрополит Киевский, Русский и Литовский (1375–1380), митрополит Малой Руси и Литвы (1380–1389), митрополит Киевский и вся Руси (1389–1406), единственный из митрополитов Владимиро-Московской Руси XIV века христианский политический деятель, не подчинившийся власти Золотой Орды, писатель, редактор, переводчик и книгописец. – Ред.

³ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники. Режим доступа: http://dugward.ru/library/kapterev/kapterev_patriarh_nikon.html (дата обращения: 31.01.2017).

⁴ Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004. С. 9.

⁵ О том, откуда были заимствованы исправления, чьё влияние они отразили, кто были основные «справщики» и какие цели преследовал сам патриарх Никон, см. там же.

⁶ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. М., 1970 г., т. 5. С. 25.

⁷ Дмитриевский А.А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах. М., 2004. С. 28.

Актуальны ли переводы православной литературы на китайский язык

В начале XXI века Православное братство во имя святых апостолов Петра и Павла в Гонконге начало систематическую работу по переводу и изданию на китайском языке катехизической, богослужебной и миссионерской литературы

Китайские учёные в настоящее время интересуются вопросами православной философии, богословия и истории. Многих читателей больше интересует отличие православия от католицизма и протестантизма, книги, повествующие об основах православной веры, богослужения, духовной жизни. Вместе с тем китайский читатель не менее интересуется православной духовной традицией – монашеством, старчеством, а также иконописной традицией, иначе говоря, теми аспектами христианства, которые либо отсутствуют, либо мало представлены в католической и протестантских церквях. Прихожане китайских православных храмов также испытывают острую нужду в китайских богослужебных текстах,

литургической литературы – как для совершения богослужений на китайском языке, так и для литургических штудий.

Не будет преувеличением сказать, что китайский читатель сегодня испытывает нужду сразу в нескольких типах православной литературы: катехизической, академической и богослужебной. Говоря шире, перевод православной литературы на китайский язык – важнейшая задача, без решения которой невозможно создание православной среды в китайском мире, или, другими словами, Православной Церкви в Китае.

Хотя истории православия в Китае более чем 300 лет, за всё это время было осуществлено крайне мало переводов катехизаторской и ещё меньше

святоотеческой литературы. Одним из первых, кто написал православный катехизис на китайском языке, был начальник 9-й духовной миссии в Китае (1807–1821) о. Иакинф (Бичурин, 1777–1853). К составлению книги он приступил практически сразу по прибытии в Пекин. По своей сути данный катехизис является не чем иным, как сжатым вариантом пространного катехизиса итальянского миссионера-иезуита Франческо Бранкати (Francesco Brancati, кит. им. Фань Гогун, 1607–1671).

Один из самых ранних переводчиков духовной литературы, кого упоминает иером. Алексей (Виноградов) в своём труде «Китайская библиотека и учёные труды членов миссии» (1889) – иеромонах Даниил (Сивиллов,

1798–1871), который в 1830 году в сотрудничестве с учителем Чэци перевёл Евангелие от Матфея и книгу Деяний Апостольских. Там же он упоминает иеромонаха Феофилакта, который в 1828 году перевёл краткий Катехизис Филарета, митрополита Московского. В 1831 году этот катехизис был вторично исправлен и переведён иеромонахом Даниилом с приложением 100 слов о вере святого Геннадия.

...Как видно, в XVIII веке переводами на китайский язык миссионеры практически не занимались, и составление катехизисов, как и перевод богослужебной литературы и литературы духовно-нравственного содержания начался лишь в XIX веке, притом более активно во второй половине XIX века. Это отчасти связано с тем, что миссия окормляла лишь потомков албазинцев, которые в то время ещё владели русским. Лишь во время 10-й Миссии (1821–1830) при архимандрите Петре (Каменском, 1765–1845) была поставлена задача перевода молитвословов и богослужебной литературы на китайский язык.

В то же самое время хотелось бы отметить интересный факт: участник 8-й миссии – Степан Липовцев с 1794 по 1808 год осуществил перевод Нового Завета на маньчжурский язык. Однако от Священного Синода не было получено санкций на издание такового. Тем не менее, перевод был принят и издан Британским и Иностраным Библийским обществом. Впоследствии данный перевод в своих школах и для проповеди в Маньчжурии использовали протестантские миссионеры.

К числу святоотеческих книг, которые перевели члены миссии, можно отнести «Зерцало православного исповедания» святителя Димитрия Ростовского, которое было переведено архимандритом Гурием (Карповым, 1814–1882) и издано в 1860 и 1863 годах под заглавием «Дун цзяо цзун цзян»; «Указание пути в Царство Небесное» митрополита Московского

Иннокентия, перевод которого осуществил архимандрит Флавиан, издано в 1883 году; «Разные изречения из правил Святых Апостолов, вселенских и поместных Соборов и Святых отец» – составил и перевёл иеромонах Исаия; «Поучения и беседы на воскресные и двенадцатые праздники», избранные из разных проповедников и переведённые архимандритом Флавианом, а также обличительное слово (против язычников) Тертуллиана, переведённое иеромонахом Исаией.

...Китайская Автономная Православная Церковь в силу своей малочисленности и ослабления связей с матерью – Русской Православной Церковью – в годы «культурной революции» оказалась институционально разрушенной: к началу периода «реформ и открытости» в 80-е годы XX века в Китае были вновь открыты несколько православных приходов, однако при отсутствии китайского клира и разрушенной системе церковного образования, утерянных богослужебных книг эти приходы оказались не в состоянии выполнить задачу перевода православной литературы на китайский язык.

В начале XXI века Православное братство во имя святых апостолов Петра и Павла в Гонконге начало систематическую работу по переводу и изданию на китайском языке катехизической, богослужебной и миссионерской литературы. В сотрудничестве с рядом академических институтов Китая и России Братство также издало ряд православных академических трудов православных учёных. Переводчики и редакторы Братства трудятся над созданием стандарта православной лексики в современном китайском языке, учитывая как традиции переводов Пекинской миссии (многие из них трудами Братства были собраны в библиотеках России, Китая, Японии и США и опубликованы в цифровом формате), так и богатый опыт католических и протестантских миссионеров в сфере переводов христианской литературы. В

настоящее время переводы на китайский выполняются как с русского, так и с английского языка.

В 2014 году Братство учредило единственное православное издательство в Китае – China Orthodox Press. Труды этого издательства в настоящее время и осуществляются основные проекты публикации как бумажных, так и электронных православных изданий на китайском языке. На сайте издательства China Orthodox Press <http://www.orthodoxbookshop.asia/> можно найти более полутора сотен книг и видеоматериалов о православии на китайском языке. Большая часть материалов доступна как в упрощённой, так и традиционной иероглифике. Часть материалов распространяется в электронном формате бесплатно, таким образом, сайт издательства выполняет две функции: онлайн-магазина и библиотеки православной литературы на китайском языке. В 2015 году издательство China Orthodox Press опубликовало 18 книг на китайском языке.

Основной проблемой православных переводов на китайский сегодня является нерешённый вопрос финансирования переводческих и издательских проектов. Регулярный труд переводчиков, редакторов, корректоров, верстальщиков, издателей требует немалых усилий и скоординированной работы, подразумевающей наличие материальных средств и времени. Существенной также является проблема нехватки специалистов, способных к квалифицированной работе по переводу православной литературы (особенно богослужебной) на китайский язык. Подготовка таких квалифицированных специалистов – также вопрос и времени, и ресурсных затрат. Все, что сделано Братством и издательством за пятнадцать лет трудов, сделано благодаря помощи православных христиан из Китая, России, США и других стран.

Протоиерей Дионисий Поздняев и Александр Дмитренко
Журнал Православие.фм

Издан сборник богословских сочинений XVII в. в переводе свт. Иоанна Тобольского

Киевская духовная академия издала сборник богословских сочинений XVII века в переводе святителя Иоанна Тобольского. В книгу вошли как известные работы владыки Иоанна, неоднократно переиздаваемые в XX – начале XXI века – «Царский путь Креста Господня», «Илиотропион», так и труды, увидевшие свет более 300 лет назад и впервые переведённые со старославянского языка – «Феатрон» и «Размышления о Боге для пользы правоверных».

Издание будет интересно священнослужителям, преподавателям и студентам, а также всем интересующимся богословской литературой.

Книга вышла по благословению Управляющего делами УПЦ, ректора КДАиС митрополита Бориспольского и Броварского Антония.

Седмица.ру

